

ПОД СОЛНЦЕМ ТОСКАНЫ



Фрэнсис Мэйес

Хюгге. Уютные книги о счастье

Фрэнсис Мэйес

Под солнцем Тосканы

«ЭКСМО»

1996

УДК 908(450)
ББК 26.89(4Ита)

Мэйес Ф.

Под солнцем Тосканы / Ф. Мэйес — «Эксмо», 1996 — (Хюгге.
Уютные книги о счастье)

ISBN 978-5-04-102084-2

Тоскана – настоящий рай на земле, уникальное сочетание истории, культуры и традиций. В этот регион Италии хочется возвращаться снова и снова. Что и сделала Фрэнсис Мэйес. Не устояв перед соблазном купить фермерский дом в окрестностях Кортонны, она вырвалась из суеты Сан-Франциско и решила наслаждаться солнцем, ароматами фруктов и трав, изучать этрусские традиции, мечтать и постигать тонкости местной кухни. Прекрасный язык автора, обилие деталей, яркий колорит, сезонные рецепты – вместе с Мэйес ты будто отправляешься в путешествие по живописным уголкам сельской Италии, становишься сопричастной к классической архитектуре и заново открываешь себя. Культовый бестселлер на протяжении 25 лет.

УДК 908(450)
ББК 26.89(4Ита)

ISBN 978-5-04-102084-2

© Мэйес Ф., 1996
© Эксмо, 1996

Содержание

Предисловие	6
Вратаге: Страстно желать	8
Дом и земельный участок для вспашки которого двум волам потребуется два дня	19
Сестрица Вода, братец Огонь	29
Заросший фруктовый сад	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фрэнсис Мэйес

Под солнцем Тосканы

Посвящается Энн Корнелисен

Frances Mayes

UNDER THE TUSCAN SUN

Copyright © Frances Mayes, 1996. This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency.

© Топчий Е.В., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

– Что у вас тут растет? – Обойщик тащит кресло вверх по дорожке к дому и быстро оглядывает наш участок земли.

– Виноград и оливковые деревья, – отвечаю я.

– Ну, виноград и оливковые деревья – это понятно, а что еще?

– Травы, цветы – мы ничего не собираемся тут выращивать.

Обойщик ставит кресло на влажную траву и обводит взглядом террасы со старательно подрезанными оливковыми деревьями и виноградником, который мы недавно обнаружили и пытаемся возродить.

– Сажайте картофель, – советует он, – ему никакого ухода не надо. – И указывает на третью террасу: – Вон там, на солнцепеке, самое место посадить картофель. И красный можно, и желтый.

И вот мы уже копаем себе на обед картошку. Выкапывать эти картофелины очень легко, совсем как отыскивать в траве пасхальные яйца. Меня удивляет, какие они чистые: достаточно сполоснуть водой – и засверкают.

И так же легко у нас получается почти все, с тех пор как мы за последние четыре года преобразовали этот заброшенный дом и участок в Тоскане. Мы смотрим, как Франческо Фалько, почти всю свою жизнь – семьдесят пять лет – ухаживавший за виноградником, закапывает побег старой лозы, чтобы из него пошла новая. Мы делаем то же самое. Виноградник процветает. Мы, иностранцы, осевшие на этой земле, хватаемся за все. Почти все мы сделали своими руками; и это нам удалось, как сказал бы мой дедушка, благодаря нашему полному невежеству.

В 1990 году, в наше первое лето на собственной ферме, я купила огромную книгу для записей в обложке из флорентина и с синим кожаным корешком. На первой странице я написала: «ИТАЛИЯ». В такой роскошной книге уместнее всего было бы записывать бессмертную поэзию, но я с самого начала заполняла ее перечнем видов местной флоры, списками наших проектов, новыми словами, набросками с мозаик Помпей. Я описывала комнаты, деревья, птичий щебет. Я вписала сюда рекомендацию: «Сажать подсолнечник, когда Луна будет в знаке Весов», хотя не имела ни малейшего понятия, когда это должно быть. Я писала о людях, которые нам встречались, и о блюдах, которые мы готовили. Книга стала хроникой наших первых четырех лет, проведенных здесь. Сегодня в ней хаотическое собрание разных рецептов, открыток – репродукций картин, набросков, планировка первого этажа аббатства, итальянские стихи и схемы нашего сада. Но книга достаточно толстая, в ней хватит страниц еще на несколько летних сезонов. Теперь синяя книга превратилась в книгу «Под солнцем Тосканы». Ремонт дома, потом его обустройство, приведение в порядок запущенных олив и виноградника, обследование Тосканы и Умбрии, приготовление блюд чужой кухни и открытие множества связей между едой и культурой, все эти искренние радости порождают более глубокое удовольствие – обретение умения жить по-другому. Закопать побег виноградной лозы, и этим дать ей новое рождение – вот внятная метафора того, как следует время от времени менять жизнь, если хочешь продвинуться в своем развитии.

В эти первые июньские дни мы должны очистить террасы от сорняков, чтобы избежать риска пожаров, когда грянет июльская жара и все кругом высохнет. За моим окном трудятся трое мужчин с машинами для выкашивания сорняков; машины гудят, как гигантские пчелы. Доменико прибудет завтра, он обработает террасы дисковым культиватором, вернув срезанные сорняки в почву. Его трактор ходит по тем кольцевым маршрутам, которые еще в древности проложили быки. Это такой цикл летних работ на земле. Да, машины для выкашивания и дисковый культиватор сделают все эти работы быстрее, но меня тянет к старинному ритуалу. Италия насчитывает тысячи лет истории, а тут, на самом верхнем слое ее земли, стою я, на

своем небольшом участке, и восхищаюсь дикими оранжевыми лилиями, разбросанными по склону холма. Пока я восхищаюсь цветами, идущий по дороге старик останавливается и спрашивает, живу ли я тут. Он говорит мне, что хорошо знает эту землю. Замолкнув, старик смотрит на каменную стену, потом тихим голосом договаривает: тут расстреляли его семнадцатилетнего брата по подозрению в том, что он партизан. Я знаю, что мысленно старик видит не мой розовый сад, не мою живую изгородь из лаванды и шалфея. Память унесла его в далекое прошлое. Он посылает мне воздушный поцелуй. «Прекрасный дом, синьора». Вчера я обнаружила под оливковым деревом заросли голубых васильков: видимо, там упал расстрелянный юноша. Откуда взялись эти цветы? Дрозд выронил семечко? Разрастутся ли они на следующий год за край террасы? Обжитые места перемещаются по синусоидальным волнам времени и пространства, изгибающимся по какой-то логарифмической зависимости, и я подчиняюсь этому же закону.

Я открываю синюю книгу. Какое удовольствие – делать записи об этих местах, о своих наблюдениях, странствиях, ходе ежедневной жизни. Много веков назад китайский поэт заметил: воссоздавая что-то словами, как будто проживаешь это заново. Вероятно, стремление к переменам всегда вызвано желанием расширить сферу своего духовного пребывания. Такая сфера пребывания души и описана в книге «Под солнцем Тосканы». Я надеюсь, что мой читатель – это друг, пришедший в гости. Он учится насыпать горкой муку на мраморную столешницу и вмешивать в нее яйцо. Он просыпается от четырехкратного призыва кукушки и, напевая, спускается с террас к винограднику. Он собирает сливы в банки. Он едет со мной в города, выстроенные на холмах, – там круглые башни и из окон домов льется каскад цветущей герани. Он хочет застать тот первый день, когда на оливковых деревьях появятся плоды. Ветер овеивает нагретые солнцем мраморные статуи. Как старые крестьяне, мы можем посидеть у очага, поджаривая ломти хлеба с маслом и потягивая молодое вино кьянти. Вернувшись после посещения келий девственниц эпохи Возрождения, проехав по пыльным окольным дорогам Умбрии, я готовлю на сковороде маленьких угрей, жарю их с чесноком и шалфеем. Нам прохладно под фиговым деревом, где свернулись клубком два кота. Я сосчитала: голубь проворковал шестьдесят раз в минуту. Возвышающаяся над нашим домом стена поставлена тут этрусками в восьмом веке до нашей эры. Нам есть о чем поговорить. Времени у нас достаточно.

Кортоне, 1995

Bramare: Страстно желать

Я собираюсь купить дом в чужой стране. У дома прекрасное имя – Брамасоль. Это высокий квадратный дом цвета абрикоса, с выцветшими зелеными ставнями, с крышей под старинной черепицей, на втором этаже есть железный балкон, и восседающие на нем дамы с веерами могут наблюдать за тем, что происходит внизу. Внизу же – вал, заросший кустами шиповника, переплетенными ветвями роз, и сорняками высотой по колено. Балкон выходит на юго-восток, с него открывается вид на глубокую долину и далее на Тосканские Апеннины. Когда идет дождь или меняется освещение, фасад дома приобретает цвет золота или охры; предыдущая алая штукатурка постепенно осыпается на розы. Там, где штукатурка уже осыпалась, проглядывает шероховатый камень. Дом расположен на склоне холма, изрезанном террасами с фруктовыми и оливковыми деревьями, и высится над strada Bianca – белой дорогой (она усыпана белым гравием). Название Брамасоль происходит от слов bramare – «страстно желать», и sole – «солнце». И я, так же как этот дом, всей душой желаю солнца.

Семейная мудрость настойчиво отвергает мое решение. Моя мать сказала «нелепо» со своим категоричным и сильным нажимом на второй слог, а мои сестры волнуются, будто мне восемнадцать лет и я вот-вот сбегу с матросом в семейном автомобиле. Меня и саму-то гложут сомнения. Мы сидим в комнате ожидания офиса notaio's – нотариуса. При каждом движении острые кончики конского волоса из набивки стульев колют меня сквозь тонкое белое льняное платье, а в этой комнате, где температура под сорок, спокойно не посидишь. Я подглядываю, что пишет Эд на обратной стороне квитанции. Пармезан, салями, кофе, хлеб. Как он может? Наконец синьора открывает дверь, и на нас изливается бурный поток ее итальянской речи.

Словом notaio обозначается всего лишь юридическое лицо, которое в Италии осуществляет сделки с недвижимостью. Наша нотариус – синьора Мантуччи – небольшого роста неистовая сицилийка, в очках с толстыми затемненными стеклами, за которыми ее зеленые глаза кажутся огромными. Я не слышала, чтобы кто-нибудь говорил быстрее, чем она. Она зачитывает нам вслух длинные формулировки законов. До сих пор я думала, что итальянский язык музыкален; ее же итальянский – это грохот камней, катящихся по желобу. Эд смотрит на нее с восторгом; я понимаю, его пленил звук ее голоса. Владелец недвижимости, доктор Карта, вдруг решил, что запросил слишком мало; иначе и быть не может, раз мы согласны на покупку. Мы же считаем его цену завышенной. И даже знаем, что она непомерно высока. Сицилийка не умолкает; ее никто не смеет прерывать, кроме бармена Джузеппе. Он внезапно распахивает дверь, неся в руках поднос; он как будто удивлен тому, что застал тут перекосившихся в замешательстве клиентов-американцев. Он принес синьоре крошечную чашку эспresso, которую она опрокидывает одним махом, не делая паузы в потоке речи. Владелец намерен заявить претензию, что дом оценен в такую-то сумму, хотя на самом деле стоит намного дороже. «Так всегда делается, – настаивает доктор Карта. – Никто не объявляет сразу настоящую цену». Он предлагает нам принести один чек в офис нотариуса, а потом передать ему десять чеков на меньшие суммы буквально под столом.

Наш агент, Ансельмо Мартини, пожимает плечами.

Ян, английский агент по недвижимости, которого мы наняли помогать нам при переводе, повторяет его жест.

Доктор Карта заключает: «Вы американцы! Вы слишком серьезно ко всему относитесь. И будьте любезны, датировать чеки с интервалами в одну неделю, потому что банк не готов работать с большими суммами».

Имел ли он в виду тот самый банк – я там была, – где черноглазый апатичный кассир ведет торговые операции с перерывами в пятнадцать минут на курение и телефонные разговоры?

Синьора резко обрывает свою речь, сгребает документы в папку и встает. Нам следует прийти снова, когда будут готовы все деньги и бумаги.

Из окна нашего гостиничного номера открывается широкая панорама древних крыш Кортонь, вплоть до темного пространства долины ди Кьяна. Горячий 14-й ураган сирокко доводит нормального человека до легкого помешательства. Мне кажется, я как раз в таком состоянии. Я не могу спать. Дома, в Соединенных Штатах, я и прежде покупала и продавала дома: загружу в машину мамин фарфор марки «Спод», кота и фикус и еду на расстояние пять или пять тысяч миль ко входной двери следующего дома, от которой у меня уже есть ключ. Приходится посуетиться, когда встает вопрос о крыше над твоей головой, ведь, продавая свое жилище, оставляешь за спиной множество воспоминаний, а покупая – выбираешь место, где пройдет твое будущее. Все дома, где человек когда-либо жил, оставляют на нем свой отпечаток. А еще возникают различные юридические сложности и непредвиденные обстоятельства. Но в данном случае все как сговорилось, и я по-прежнему вперяю взор в темноту.

Меня всегда магнитом тянуло на север Италии. Я думала о собственном доме здесь все четыре года, пока арендовала каждое лето фермерские домики по всей Тоскане. Однажды мы с Эдом сняли дом вместе с друзьями и в первую же ночь начали вычислять, можно ли на наши накопления купить ферму, сложенную из обкатанных камней, – мы видели ее с террасы. Эд тут же влюбился в сельскую жизнь и начал бродить по участку наших соседей, наблюдая, как они работают. Семья Антолини растила прекрасный, хотя и вредный для здоровья табак. Иногда до нас доносились крики рабочих: «Ядовитая!» – это они предупреждали друг друга о появлении ядовитой змеи. По вечерам над темными листьями поднималась фиолетово-синяя дымка.

Наши друзья больше туда не ездили, но мы три года подряд приезжали сюда летом и присматривали себе дом; за это время мы отыскивали такое место, где производят чистое зеленое оливковое масло, открыли для себя очаровательные деревенские римские церквушки, забредали окольными путями в виноградники, пробовали самое мягкое вино, «Брунелло», и самое черное, «Вино нобиле». Поиск дома – дело нелегкое. Мы посещали еженедельные базары не только для того, чтобы купить персики к пикнику, мы оценивали качество и ассортимент предлагаемых продуктов, мысленно предвкушали обеды по дням рождения, новые праздники, завтраки для друзей, которые будут приезжать к нам во время отпуска. Мы часами просиживали в барах на городских площадях, потягивая лимонад и стараясь ощутить дух местности. Потом, в отеле, я боролась с пузырями на пятках, бутылками втирала в усталые ноги лосьон. Мы слушали рассказы старожилов, тащили с собой из отеля в отель путеводители, книги о флоре и романы для чтения. Мы всегда спрашивали местных жителей, где они любят поесть, и бывали в таких ресторанах, о которых не упоминалось в наших путеводителях. Нас снедало ненасытное желание осмотреть руины каждого замка с зубчатой стеной, выстроенного на склоне холма. Я получала ни с чем не сравнимое удовольствие от езды по усыпанным гравием проселочным дорогам к фермам Умбрии и Тосканы.

Первым городом, в котором мы остановились, была Кортоня, и потом мы непременно возвращались туда, даже если снимали какой-нибудь милый домик возле Вольтерры, Флоренции, Монтиси, Риньяно, Виккьо или Кверчегроссы. В кухне одного из домов едва могли разойтись двое, но из его окон можно было увидеть реку Арно. В кухне другого дома не было горячей воды и ножей, зато сам дом был встроен в средневековый крепостной вал. В третьем доме были набор фарфоровой посуды на сорок человек, хрусталь и столовое серебро, но на каждый второй день безбожно обледепевал холодильник. В сырую погоду меня било током, если я прикасалась к чему-нибудь в кухне. Зато в этом доме под названием Чимабуе, как гласит легенда, юный Джотто рисовал овцу на покрытом слоем грязи полу. Еще в одном доме были кровати с провалом посередине, на них скручивало позвоночник. Летучие мыши слетали вниз

по очагу, а черви сверху, из балок, постоянно осыпали опилками наши подушки. Очаг был таким большим, что мы могли сидеть в нем и поджаривать телячьи отбивные и перцы.

Мы проехали не одну сотню пыльных километров, осматривая дома, которые, как выяснилось, стояли в затопляемой пойме Тибра или смотрели на опустошенный карьер. Агент из Сиены восторженно обещал, что вид снова станет восхитительным через двадцать лет, потому что вышел такой закон – засадить деревьями старые выработки. Чудесный дом в средневековой деревне оказался безумно дорогим. Зубастый крестьянин, с которым мы познакомились в одном из баров, попытался продать нам дом своего детства – каменный курятник без окон, примыкавший к другому дому, откуда на нас кидались привязанные веревками собаки. Нам очень понравилась ферма возле Монтиси; ее владелица много дней тянула с заключением сделки, а потом решила, что надо дождаться знамения от Господа. Увы, нам уже нужно было уезжать.

Когда я вспоминаю все эти места, они кажутся мне абсолютно чуждыми, как, впрочем, и город Кортон. Эд так не считает. Он каждый день ходит на площадь и смотрит на молодую пару, пытающуюся провезти коляску с новорожденным вниз по улице. Их то и дело останавливают, каждый обходит коляску, наклоняется к лицу малыша, гулит с ним и хвалит его родителям. «В своем следующем перевоплощении, – говорит мне Эд, – я хочу вернуться на землю итальянским младенцем». Он участвует в жизни площади: этот лощеный мужчина сидит за столиком кафе, закатав рукава так, что видны мускулы, расслабленно подпирает рукой подбородок: из верхнего окна стоящего рядом дома раздаются чистые звуки флейты – кто-то исполняет Вивальди; с мрачноватой гончарной лавкой соседствует яркий прилавок продавца цветов; человек без шеи выгружает овец из своего грузовика. Он кидает их через плечо, как мешки с мукой, а бедные овцы испуганно таращат глаза. Каждые несколько минут Эд смотрит на циферблат больших часов, которые так давно отмечают время на этой площади. Наконец он начинает свою прогулку, отсчитывая по памяти камни мостовой.

Во дворе гостиницы приезжий араб начинает распевать свои вечерние молитвы как раз в тот момент, когда мне удастся уснуть. Он издает такие звуки, будто полощет горло соленой водой, и часами исполняет свои фиоритуры в небольшом регистре, опять и опять. Хочется высунуться из окна и крикнуть: «Заткнись!» Порой мне просто смешно. Я выглядываю из окна, а он с милой улыбкой кивает мне. Он напоминает зазывал на табачных аукционах, которых я наслушалась в детстве на складах Юга. А сейчас я за тысячи километров от дома выкладываю все сбережения ради удовлетворения своей прихоти. Но прихоть ли это? Скорее, начало любви. Мне кажется, источник этого желания – где-то в глубине моей психики. Права ли я?

Каждый раз, покидая прохладные комнаты отеля и выходя на яркий солнечный свет, мы идем гулять по городу, и нам тут нравится все больше и больше. Стоящие на открытом воздухе столики бара «Спорт» обращены в сторону площади Синьорелли. Каждое утро несколько фермеров раскладывают свой товар на ступенях театраки девятнадцатого века. Мы пьем эспрессо и наблюдаем, как они поднимают ржавые ручные весы, взвешивая помидоры. Площадь окружена совершенно нетронутыми палаццо периода Средневековья и эпохи Возрождения. Кажется, вот-вот кто-нибудь выйдет и разразится арией из «Травиаты». Каждый день мы обходим все местные средневековые ворота с замковым камнем в городских стенах, возведенных еще этрусками, изучаем узкие, не шире «Фиата», улочки, застроенные старыми домами, еще более узкие переулки, таинственные пешеходные проходы с крутыми лестницами. До сих пор здесь можно увидеть заложенные кирпичом «ворота мертвецов» четырнадцатого века. Эти двери возле парадного входа предназначались для вынесения из дома умерших от чумы – считалось, что вынос их через парадный вход приносит несчастье. Я часто вижу ключ, оставленный в замочной скважине входных дверей.

В путеводителях город Кортон охарактеризован как «мрачный» и «суровый». Но это не так. Расположение города на вершине холма, стены домов из массивного камня создают

отчетливое ощущение вертикальности городской архитектуры. Резкие, угловатые тени зданий падают на землю по-евклидовски вертикально.

И невольно хочется выпрямиться. Жители города ходят неспешно, и у всех очень красивая выправка. Я только и говорю: «Посмотри, до чего прекрасна та женщина!», «Разве не великолепен этот мужчина?», «Взгляни на то лицо – чисто рафаэлевское». Вечером мы снова пьем эспresso, на этот раз на другой площади. Мимо нас проходит женщина лет шестидесяти с дочерью и внучкой-подростком; они прогуливаются, взявшись за руки, солнце освещает их оживленные лица. Мы не знаем, почему свет здесь такой ясный, яркий. Может быть, это золотое свечение исходит от подсолнухов с окружающих полей? Три женщины выглядят спокойными, явно довольными жизнью. Эти лица стоило бы отчеканить на золотой монете.

А пока мы пьем свой кофе, доллар падает. По утрам мы оббегаем все банки, проверяя выставленный в окне курс обмена валют. Когда надо быстро обналичить чеки путешественника для срочной покупки, скажем, на кожевном базаре, курс валют не имеет такого значения, но мы-то покупаем дом с участком, и у нас каждая лира на счету. Даже при небольшом падении у меня в животе что-то обрывается. Мы ежедневно подсчитываем, на сколько дороже становится дом. Вы скажете – смешно, но я тут же прикидываю, сколько пар обуви можно было бы купить на эту сумму. До сих пор в Италии главными приобретениями для меня были туфли, такой у меня есть тайный грех. Иногда я привозила домой девять новых пар: красные из змеиной кожи на плоской подошве, сандалии, синие замшевые ботинки и несколько пар черных лодочек с разными каблуками.

Как и везде, банки здесь различаются процентом комиссионных, который они берут, когда приходит перевод из-за рубежа на большую сумму. Нам нужна передышка. Судя по всему, они получают значительную выгоду, ведь оплата чека в Италии может тянуться неделями.

Наконец нам преподносится урок того, как здесь ведутся дела. Доктор Карта, озабоченный завершением сделки, звонит в свой банк в Ареццо, в полчасе езды – этим банком пользуются его отец и тесть, – потом звонит нам: «Приезжайте сюда, с вас совсем не возьмут комиссионных и выплатят вам сумму по официально объявленному тарифу, когда деньги придут».

Его сообразительность меня не удивляет, хотя все время, пока мы вели переговоры, он проявлял демонстративную незаинтересованность в деньгах – он просто назвал свою высокую цену и не менял ее. Он приобрел эту недвижимость годом раньше у пяти старух-сестер из семьи землевладельцев в Перудже. По его словам, он собирался устроить тут место летнего отдыха для своей семьи, но они с женой получили наследство – дом на побережье – и решили предпочесть его.

Так ли это или же он совершил сделку со старыми дамами в девяностых годах, а теперь собирает крупную сумму, чтобы купить собственность на побережье? Не подумайте, что я ему завидую. Просто он ловкий человек.

Доктор Карта, вероятно боясь, что мы откажемся от покупки, звонит и просит нас встретиться с ним в Брамасоле. Он подкатывает в своей «Альфа-164», одетый с головы до ног в «Армани». «Тут есть еще одно обстоятельство, – он как будто продолжает только что прерванный разговор, – пойдемте со мной, я покажу вам кое-что». Он ведет нас вверх на холм по каменной тропе, через душистый желтый раkitник. Вскоре мы стоим на самом вершине, и перед нами разворачивается панорама долины, обзор на двести градусов, а внизу – обсаженная кипарисами дорога и приятный глазу пейзаж: сплошные ухоженные виноградники и оливковые рощи. Вдалеке синий мазок – Тразименское озеро; справа силуэт Кортонны, красные крыши ясно очерчены на фоне неба. Тут выложенная плоскими камнями тропа расширяется. Доктор Карта торжественно оборачивается к нам: «Эта дорога была построена римлянами, она ведет прямо в Кортону». Солнце припекает. Теперь он говорит о большой церкви на вершине холма. Он указывает, куда могла дальше идти эта дорога: прямо через территорию Брамасоля.

Когда мы возвращаемся в дом, он открывает кран возле дома и плещет водой себе на лицо. «У вас будет в изобилии самая прекрасная вода, по сути дела, у вас будет собственная минеральная вода, она очень полезна для печени. Прекрасная вода!» Он ухитряется одновременно проявлять непритворный энтузиазм и изображать некоторую утомленность, он доброжелателен и чуть снисходителен. Подозреваю, что мы были слишком конкретны в разговоре о деньгах. А возможно, он решил, что мы невероятно наивны и воспринимаем сделку как законопослушные американцы. Он подставляет сложенные лодочкой ладони под струю воды, наклонившись, пьет, не снимая наброшенного на плечи хорошо скроенного льняного пиджака. «Воды хватит для бассейна, – уверяет он. – Постройте его там, откуда вы смотрели на озеро. Оттуда открывается вид прямо на то место, где Ганнибал победил римлян».

Нас приводят в восторг остатки римской дороги, проложенной через заросший полевыми цветами холм.

Мы будем ходить по ней в город, чтобы выпить кофе в конце дня. Доктор Карта показывает нам старое подземное водохранилище. Вода в Тоскане драгоценна, ее собирают по каплям. Посветив фонариком в отверстие, мы уже заметили в подземном водохранилище каменный арочный проем, очевидно, своего рода проход. На гребне холма, в водохранилище крепости Медичи, мы видели такую же арку, и смотритель рассказал нам, что секретный подземный ход для бегства из крепости ведет вниз по холму в долину, а потом к Тразименскому озеру. Итальянцы относятся небрежно к своим историческим руинам. Мне кажется невероятным, что частному лицу разрешается владеть такой древностью.

Когда я впервые увидела Брамасоль, мне тут же захотелось перевезти сюда свои летние платья и книги. Мы провели четыре дня с синьором Мартини, владельцем маленького темного офиса в тихом районе Кортонь, на улице Сакко и Ванцетти. Над рабочим столом висит его фотография в солдатской форме, предполагаю, времен службы у Муссолини. Он слушал нас, будто мы говорили на чистом итальянском. Когда мы закончили объяснять ему, что ищем, он поднялся и сказал: «Поехали». Хотя недавно ему прооперировали ногу, он вел нас по несуществующим дорогам, протаскивал через заросли колючек, показывая дома, о которых знал только он. Среди них были фермерские дома с просевшей крышей, расположенные далеко от города, но при этом невероятно дорогие. В одном доме сохранилась башня, построенная крестоносцами, но владелица заплакала и удвоила цену тут же, как только увидела, что мы заинтересовались всерьез. Другой дом был пристроен к соседским, и цыплята, получив полную свободу, носились из дома в дом. Во дворе валялось заржавевшее сельскохозяйственное оборудование и бегали свиньи. В некоторых домах было невыносимо душно, другие стояли прямо у проезжей части. К одному дому пришлось бы подводить подъездную дорогу – он утонул в зарослях ежевики, и мы смогли только заглянуть в окно, потому что на пороге лежала свернувшаяся кольцами черная змея и категорически отказывалась уползать.

Мы поднесли цветы синьору Мартини. Поблагодарили его и попрощались. Казалось, он искренне огорчен нашим отъездом.

На следующее утро мы случайно столкнулись с ним на площади. Он сказал:

– Я только что встретил доктора из Ареццо. Может быть, он захочет продать дом.

Дом оказался неподалеку от Кортонь.

– Сколько? – спросили мы синьора Мартини, хотя к тому времени уже знали, что он уклоняется от ответов на прямо поставленные вопросы.

Он ограничился словами:

– Давайте сначала посмотрим.

Выйдя за город, он повел нас по дороге, которая идет вверх и сворачивает, огибая холм. Здесь он повернул на белую дорогу и через два километра вышел на длинный отлогий подъездной путь. Сбоку мелькнул придорожный киот, впереди замаячил трехэтажный дом с окном в

раме из витого железа над парадной дверью и двумя пальмами по обе стороны от входа. Освещенный лучами солнца, фасад светился, переливался всеми оттенками лимонного, красного и терракотового цветов. Мы зачарованно умолкли. Нам показалось, что этот дом долго ждал нас.

– Берем, заверните, – пошутила я, пока мы пробирались сквозь сорняки.

Как и при демонстрации других домов, синьор Мартини не делал никаких коммерческих замечаний; он просто смотрел дом вместе с нами. Мы поднялись по крытой аллее, прогнувшейся под тяжестью обвивающих ее роз. Двухстворчатая парадная дверь пронзительно взвизгнула, как живое существо, когда мы ее распахнули. Стены дома, толщиной с длину моей руки, источали прохладу. Стекла в окнах вибрировали. Я, пошаркав ногой, разгребла наносы пыли и увидела под ними гладкие, хорошо сохранившиеся кирпичные полы. В каждой комнате Эд открывал окна, и нашему зору одна за другой представляли прекрасные панорамы: кипарисы, волнистые зеленые холмы, отдаленные виллы, долина. В доме были даже две ванные комнаты. Пусть они не были в идеальном состоянии, но все же это были ванные комнаты, а мы насмотрелись всяких домов: кое-где напрочь отсутствовала водопроводная система. В этом доме не жили лет тридцать, и сад, заросший травой и усыпанный несорванными ягодами, казался уснувшим. Я заметила, что синьор Мартини осматривает участок оценивающим взглядом сельского жителя. Плющ обвил деревья и упавшие стенки террас. Синьор Мартини изрек только одно:

– Много работы потребуется.

За несколько лет наших поисков, иногда необременительных, иногда до полного изнеможения, ни разу не случилось, чтобы дом так категорично сказал «да».

Но на следующий день мы уезжали и, услышав цену, с грустью сказали «нет» и отправились домой.

В следующие месяцы я время от времени в разговорах вспоминала Брамасоль. Я поставила его фотографию возле своего зеркала и часто мысленно прогуливалась по участку или комнатам. Дом – это метафора человека, его духовной сути. Но в то же время это и вполне реальная вещь. А если дом в чужой стране, тогда все ассоциации, связанные с домами, становятся еще более значимыми. Незадолго до всех этих событий пришел конец моему длительному браку, чего я совершенно не ожидала, и мне пришлось вступать в новые отношения. Поэтому поиски нового дома я приравнивала к поискам новой себя, своей новой личности, которую предстояло сформировать. Когда осели пух и перья, летавшие после развода, у меня остались взрослая дочь, работа в университете на полную ставку (прежде я долгое время преподавала почасовиком) и скромный капитал ценных бумаг, а впереди ждала неизвестность. Хотя пережить развод было для меня тяжелее, чем смерть, у меня возникло странное ощущение, словно я вновь обрела саму себя, после того как долгие годы провела растворенной в семье. Меня тянуло окунуться в другую культуру, хотелось вырваться за пределы изведенного. Мне нужно было что-то физически объемное, что заняло бы место тех умственных усилий, на которые ушли годы моей прежней жизни. Эд полностью разделяет мою страсть к Италии, он тоже преподает в университете и пользуется преимуществом трехмесячного летнего отпуска. Здесь мы сможем заняться творчеством и реализацией разного рода проектов. Когда Эд за рулем, он обязательно сворачивает на интригующую узкую дорогу. Италия – бесконечное поле для изучения: языка, истории, искусств. Интересных мест в Италии огромное множество – двух жизней не хватило бы везде побывать. И, поскольку мы иностранцы, наша новая жизнь может сформироваться под влиянием нового жилища и ритмов окружающей жизни.

На следующий год, весной, я позвонила одной женщине из Калифорнии, которая открывала в Тоскане свой строительный бизнес. Я попросила ее узнать про Брамасоль; вдруг его не продали и цена снизилась. Через неделю она позвонила мне после встречи с владельцем. «Да, он все еще продается, но, по особой итальянской логике, цена выросла, – сказала она и пояснила: – Доллар упал, а этот дом требует вложений».

И вот мы вернулись. К этому времени, тоже по особой логике, но своей собственной, я заиклилась на покупке именно Брамасоля. В конце концов, нас с Эдом устраивают местоположение, сам дом и участок, нас устраивает все, кроме цены. И я сказала себе: если дело только в одной этой мелочи – вперед!

Но все же дом стоит *sacco di soldi* – кучу денег. Предстоят огромные трудности: восстановить заброшенный дом и участок. Протечки, плесень, разваливающиеся каменные стенки террас, осыпающаяся штукатурка, в одной ванной отвратительно пахнет, зато в другой есть металлическая сидячая ванна и треснутый унитаз.

Почему такая перспектива нас не отпугнула? Ведь, помнится, дома, в Америке, одна лишь необходимость сделать ремонт на кухне надолго выбивала меня из колеи. Дома мы, вешая картину, непременно отбиваем кусок штукатурки размером с кулак. Когда мы моем посуду в забитой до отказа мойке и в очередной раз забываем, что туда нельзя бросать даже лепестки от артишока, кажется, что осадок поднимается аж со дна залива Сан-Франциско.

С другой стороны: вот красивый дом возле римской дороги, на вершине холма висится этрусская (этресская!) стена, в поле зрения находится крепость Медичи, видна гора Амиата, на участке сто семнадцать оливковых деревьев, двадцать слив и несчетное количество абрикосов, миндаля, яблонь, груш. Возле колодца пышно разрослись фиги. Возле парадного входа посажен лесной орех. Кроме того, поблизости расположен один из самых прекрасных городов из тех, что я видела. Просто безумие отказаться от покупки.

А если кто-нибудь из нас попадет под грузовик с картофельными чипсами и не сможет работать? Я перебираю в уме все болезни, которые мы можем подхватить. Одна моя тетка умерла от сердечного приступа в сорок два года, моя бабушка ослепла... А если землетрясение разрушит университеты, где мы преподаем? А если упадут котировки ценных бумаг?

Я выскакиваю из постели в три часа утра и залезаю под душ, направляю в лицо струи холодной воды. Возвращаясь в кровать в темноте, на ощупь, я ударяю палец ноги о железную раму кровати. Боль пронзает все тело до позвоночника.

– Эд, проснись, я сломала палец на ноге. Вставай скорей!

Он садится:

– Мне как раз снилось, что я срезаю травы в саду. Шалфей и Melissa.

Он ни разу не усомнился, что этот дом – чудо, что мы отыскиали рай на земле. Он щелчком включает прикроватный светильник и улыбается мне. Мой разрезанный пополам ноготь свисает с пальца. Под ним расплывается пурпурное пятно. Я не могу ни оставить ноготь, ни сорвать.

– Домой хочу, – говорю я.

Эд накладывает мне на палец повязку.

– Ты имеешь в виду Брамасоль? – уточняет он.

Эта куча денег, о которой идет речь, была телеграфом отправлена из Калифорнии, но не дошла до пункта назначения. Как такое может быть, спрашиваю я в банке, деньги отправлены, они должны поступить моментально. Там снова пожимают плечами. Возможно, их задержал Главный банк во Флоренции. Дни идут. Из бара я звоню Стиву, моему брокеру в Калифорнии. Я кричу, в баре шумно – транслируют футбольный матч. «Ты должна проверить на месте, – орет он в ответ. – Отсюда деньги давно ушли. А ты в курсе, что правительство у нас сменилось сорок семь раз со времени Второй мировой? Эти деньги были вложены в беспрошленные облигации и быстро растущие фонды. Твои австралийские облигации заработали семнадцать процентов. Ах, ну да, у вас там сладкая жизнь».

Отель наводняют москиты (тут их называют *zanzare*), принесенные ветром из пустыни. Я ворочаюсь с боку на бок под простынями, пока кожа не начинает гореть. Я встаю среди ночи и облакачиваюсь о закрытое ставнями окно, воображая всех постояльцев отеля, которые сейчас

спят, не выпуская из рук путеводителей и вытянув покрытые пузырями от долгой ходьбы ноги. У нас еще есть возможность отступить.

Побросать сумки в арендованный «Фиат» и сказать: «Прощайте». Поехать, месяц проболтаться на побережье Амальфи и уехать домой загорелыми и расслабленными. Накупить гору сандалий. Я уже слышу голос моего дедушки, постоянно внушавшего мне: «Будь реалисткой. Спустись с облаков». Он пришел в ярость, узнав, что я изучаю поэзию и латынь, что-то совершенно бесполезное. Ну, и о чем я думаю теперь? Покупаю заброшенный дом в стране, на языке которой не могу связать и двух слов. Он, вероятно, стер свой саван, переворачиваясь в могиле. У нас нет в запасе миллионов, которые поддержали бы нас, как парашют, если случится что-нибудь непредвиденное.

Откуда эта неодолимая тяга к приобретению домов? За моей спиной стоит длинная череда предков, которые открывали сумки, доставали оттуда лоскуты обивочного материала, цветные квадратики кафеля для ванной, образцы желтой краски семи оттенков и клочки цветастых обоев. «Какой у нее дом?» – спрашивает моя сестра, и мы обе понимаем, что она хочет знать, что за человек эта «она». Я подбираю бесплатный справочник по недвижимости у дверей бакалейного магазина, когда отправляюсь куда-нибудь в отпуск, пусть даже недалеко от дома. Однажды в июне с двумя подругами я сняла дом на Майорке; следующим летом я жила в небольшом домике в Сан-Мигель-де-Альенде, где всерьез увлеклась двориками с фонтаном, спальнями, с балконов которых каскадом спадают побеги бугенвиллеи. Одно лето в Санта-Фе я начала поглядывать на сырцовые кирпичи, воображая, что стану жить на юго-западе, уснащать все блюда острым стручковым перцем, носить бирюзовые украшения в форме цветка тыквы, – другой мир, другая жизнь. В конце месяца я уехала оттуда и больше никогда не хотела туда вернуться.

Я люблю острова вдоль берегов штата Джорджия, где я подростком не раз проводила летние каникулы. Почему бы не обзавестись недвижимостью там? Можно купить деревянный, потрепанный ветрами дом, который как будто выброшен морем на берег. На полу будут лежать хлопчатобумажные коврики, на столе стоять персиковый охлажденный чай, в ручье остывает дыня, засыпаешь под гул волн, катящихся под окном. Сюда запросто смогут приезжать мои сестры, друзья и их семьи. Но я напоминаю себе, что если вступлю в ту же воду, то не почувствую обновления. А новое всегда так притягательно. Италия для меня бесконечно заманчива; почему бы сейчас не решиться, не открыть «Божественную комедию» и не ткнуть пальцем наобум: что нужно делать человеку, чтобы изменить себя? Или лучше вспомнить моего отца, сына моего скупого деда, склонного к буквальным высказываниям. «Семейный девиз, – сказал бы он, – таков: упаковывайся и распаковывайся. И еще: не можешь ехать первым классом, нечего ехать вообще».

Я лежу без сна и испытываю знакомое ощущение: ответ вот-вот придет. Часто, как ответы на дне черного гадального шара, который я любила в десятилетнем возрасте, ко мне приходит догадка или решение дилеммы. Они как будто всплывают из мутной жидкости, а потом я отчетливо вижу бледные письма. Я люблю это состояние напряженного ожидания, умственное и физическое ощущение взвешенности, невесомости, как будто что-то мистическое поднимается на поверхность из глубины сознания.

«А почему ты не чувствуешь неуверенности? – вопрошают бледные письма. – Разве ты свободна от сомнений? Почему бы не назвать это азартом?» Я наклоняюсь над широким подоконником в тот момент, когда появляются первые розовато-лиловые блики восходящего солнца. Араб еще спит. Спокойный холмистый пейзаж простирается во все стороны. Фермерские домики медового цвета аккуратно расставлены в лощинах, они похожи на толстые ломти хлеба, разложенные для остывания. Кое-где я замечаю поднятия земной коры, оставшиеся с юрского периода, их как будто резко подбросили вверх, а потом, когда они опустились, приглад-

дили большой рукой. Когда солнце становится ярче, земля окрашивается в пастельные краски: зеленая – точь-в-точь как у постиранной долларовой купюры, кремовая – как выдержанные сливки, а небо голубое, как глаза у слепого. Художники эпохи Возрождения точно передавали эти тона. Я никогда не считала Перуджино, Джотто, Синьорелли и прочих реалистами, но у них отдаленный пейзаж очень реалистичен, как отмечают многие туристы. Теперь мне понятно, почему так сияет красный башмак золотого светловолосого ангела в музее Кортони, почему так насыщена и глубока кобальтовая синь платья Мадонны. На фоне такого пейзажа и при таком освещении все принимает первичный контур. Даже красное полотенце, сохнувшее на веревке под моим окном, становится невероятно насыщенным красным.

Ну ладно, а вдруг небо не упадет? А если оно по-прежнему останется таким восхитительным? А если дом можно целиком отремонтировать за три года? К тому времени уже будут наклеены самодельные ярлыки на бутылки с оливковым маслом домашнего изготовления, тонкие льняные гардины заменят ставни на окнах во время сиесты, полки кладовки прогнутся под банками со сливовым джемом, под липами появится длинный стол для пиршеств, у дверей выстроятся штабеля корзин для сбора помидоров, салата, дикого укропа, роз и розмарина. А какими станем мы через три года?

Наконец деньги получены, счет открыт, однако чеков нам не выдают. У этого огромного банка, имеющего десятки филиалов и расположенного в золотом центре Италии, нет чеков. «Может быть, на следующей неделе», – успокаивает нас синьора Рагуцци.

Мы брызжем слюной от возмущения. Через два дня она звонит. «У меня есть для вас десять чеков». Какая может быть проблема с чеками? У меня дома их целые коробки. Синьора Рагуцци их для нас разделяет. Синьора Рагуцци – в обтягивающей юбке и плотно облегающей футболке, ее пухлые губы постоянно влажные. Кожа ее блестит. Она поразительная красавица.

Она носит великолепное ожерелье из золотых квадратиков, ее браслеты на запястьях позвякивают, когда она оттискивает на чеках номер нашего счета.

– Какие замечательные украшения. Мне нравятся эти браслеты, – говорю я.

– У нас есть только золото, – хмуро отвечает она. Ей надоели гробницы и площади Ареццо. Калифорния для нее – то, что надо. Всякий раз, завидев нас, она оживает. «Ах, Калифорния», – говорит она вместо приветствия.

Банк уже кажется нам сюрреалистическим. Мы находимся в его задней комнате. Какой-то человек вкатывает тележку, нагруженную самыми настоящими золотыми слитками – небольшими кирпичиками золота. Странно, что поблизости нет никакой охраны. Другой человек сует два слитка в грязноватые папки из оберточной манильской бумаги. Он одет просто, как рабочий. Он уходит на улицу, уносит куда-то слитки. Вот и весь ввод во владение – но до чего умно все обставлено. Мы снова смотрим на чеки. На них нет никаких опознавательных изображений – ни кораблей, ни пальм, ни служащих почтовой службы на перекладных; нет ни имени, ни адреса, ни номера водительского удостоверения, ни номера соцстрахования. Бледно-зеленые чеки выглядят так, словно были напечатаны в двадцатые годы. Мы чрезвычайно довольны. Это уже почти гражданство – свой банковский счет.

И вот наступает день, когда мы собираемся в офисе нотариуса для окончательного расчета. Все происходит очень быстро. Все говорят одновременно, и никто никого не слушает. Юридические термины в стиле барокко нам не понятны ничуть. С улицы доносится звук отбойного молотка, и этот шум вонзается мне в мозг. Речь идет о каких-то двух волах и двух днях. Ян, который переводит, требует перерыва и объясняет нам эту архаическую фигуру речи; с восемнадцатого века у юристов принято описывать размер участка временем, которое потребуется двум волам, чтобы ее вспахать. Чтобы вспахать нашу собственность, как я понимаю, им потребуется два дня.

Я подписываю чеки, и мои пальцы сводит судорогой на каждом слове «миллион». Я думаю про облигации и денежные фонды, про накопленные за годы моего брака акции, приносящие высокие дивиденды. Теперь они магическим образом превратились в изрезанный террасами откос холма и большой пустой дом. Оранжерея в Калифорнии, где я прожила десять лет среди кумквата, лимонов, жасмина садового и гуайявы, с бассейном и крытым двориком, где стояли плетеные кресла, – все уменьшилось, как бывает, когда смотришь в бинокль с другой стороны. Миллион – это такое длинное слово, к нему трудно относиться спокойно. Эд внимательно следит за количеством нулей, опасаясь, что я бессознательно напишу «миллиард» или «биллион». Он платит наличные синьору Мартини, который о гонораре не сказал ни слова; но мы выяснили у владельца обычный процент. Синьор Мартини, кажется, доволен, как будто мы сделали ему подарок. Мне очень нравится их способ вести дела, хоть он и сбивает меня с толку. Все обмениваются рукопожатиями. На губах жены владельца я замечаю тонкую кошачью улыбку. Мы рассчитываем получить документ о сделке на пергаментной бумаге, написанный старинным рукописным шрифтом, – но нет, нотариус уезжает в отпуск и старается до отъезда проверить всю бумажную работу. Синьор Мартини говорит: «Нормально». Я все время замечаю, что здесь чье-то слово все еще принимается всерьез. Здесь просто не бывает бесконечных контрактов и оговорок, не бывает форс-мажорных обстоятельств. Мы выходим под палящее полуденное солнце, держа в руках только два тяжелых железных ключа, длиннее, чем моя ладонь: один от заржавленных железных ворот, другой от парадной двери. Они ничем не похожи на ключи от моих прежних домов. На дубликаты ключей надеяться не приходится.

Джузеппе машет нам из дверей бара, и мы хвалимся ему, что купили дом.

– Где именно? – интересуется он.

– Брамасоль, – начинает Эд, намереваясь рассказать, где это.

– Ах, Брамасоль, прекрасная вилла! – Оказывается, мальчиком он собирал там ягоды. Хотя еще только полдень, он затаскивает нас внутрь и наливает нам граппы. – Мама! – кричит он.

Из задних помещений выходят его мать и сестра, все поднимают за нас тост. Все говорят одновременно. Граппа необычайно крепкая. Мы выпиваем свои порции так же быстро, как синьора Мантуччи – свой эспрессо, и поскорее уходим. В автомобиле жарко, как в печи для пиццы. Мы садимся в машину, открываем дверцы, и вдруг на нас нападает приступ хохота.

Мы договорились с двумя женщинами, Анной и Люцией, что они уберут в доме и готовят кровать, пока мы подписываем последние бумаги. В городе мы купили бутылку просекко, маринованных цуккини, оливок, жареного цыпленка и картошки.

Мы приехали в дом, ошеломленные происшедшим и граппой. Анна и Люция вымыли окна и уничтожили тучи пыли, а также обильную паутину. Спальня на втором этаже, выходящая на кирпичную террасу, сверкает чистотой. Они застелили кровать новыми голубыми простынями, и через оставленную ими открытой дверь на террасу влетают голос кукушки и пение диких канареек. Мы срезали последние розовые розы на террасе у фасада дома и поставили их в две старые бутылки из-под кьянти. Комната с закрытыми ставнями, побеленными стенами, свеженатертым воском полом, девственной постелью, душистыми розами на подоконнике, комната, освещенная болтающейся лампочкой в сорок ватт, кажется чистой, как келья монаха-францисканца. Войдя в нее, я сразу понимаю, что это самая лучшая комната на свете.

Мы принимаем душ и надеваем все свежее. В спокойном сумраке мы сидим на каменной стене террасы и произносим тосты друг за друга и за дом, чокаясь стаканчиками пряного просекко, которое похоже на концентрированный местный воздух. Мы пьем за кипарисовые деревья, растущие вдоль дороги, за белую лошадь на соседском поле и за виллу вдаль, которая была построена специально для визита папы. Косточки от оливок мы бросаем через стену, надеясь, что на следующий год они взойдут. Обед восхитителен. С наступлением темноты сова-сипуха

пролетает над нами так низко, что мы слышим свист ее крыльев. Усевшись на белой акации, она издает странный крик, который мы принимаем за приветствие. Над домом висит ковш Большой Медведицы, он вот-вот прольется на крышу. На небо высыпали созвездия, такие же отчетливые, как на карте звездного неба. Когда темнеет окончательно, мы видим, что Млечный Путь проходит прямо над нашим домом. Я забыла о звездах, живя в городе при искусственном освещении. И вот они тут, все над нами, блестящие и густо усыпающие небо, падающие и мерцающие. Мы смотрим вверх так долго, пока не начинает ныть шея. Млечный Путь похож на раскатившийся рулон кружева. Эд, любитель пошептаться, склоняется к моему уху. «Все еще хочешь домой? – спрашивает он. – Или это может стать домом?»

Дом и земельный участок для вспашки которого двум волам потребуется два дня

Меня восхищает красота скорпионов. Они похожи на чернильно-черный иероглиф, обозначающий слово «скорпион». Меня очаровывает также их умение ориентироваться по звездам, хотя не представляю себе, как они видят созвездия из своих обычных мест обитания – пыльных углов в опустевших домах. Один каждое утро бежит кругами в ванной. Несколько по ошибке засосал пылесос, хотя обычно им везет больше: я ловлю их банкой и выношу на улицу. Я проверяю каждую чашку и каждый башмак. Когда я взбиваю подушку на кровати, один – альбинос – приземляется на мое голое плечо. Мы побеспокоили армии пауков, когда выгребали из чулана под лестницей накопившиеся там бутылки. У этих пауков длинные нитеобразные ноги, но сами они размером с муху. Кроме этих обитателей дома, от прежних владельцев осталось наследство в виде пыльных бутылок из-под вина – тысячи и тысячи в сарае и конюшне. Мы уже в который раз наполняем мусорные баки, стекло водопадом сыплется из коробок, которые мы грузим и выгружаем. Конюшня и *limonaia* – лимонарий (пристройка размером с гараж сбоку от дома, где раньше прятали на зиму горшки с лимонами) – переполнены ржавыми кастрюлями, газетными выпусками начиная с 1958 года, проволокой, банками краски, строительным мусором. Мы разрушили целые экосистемы пауков и скорпионов, хотя через несколько часов они все восстанавливают. Я ищу старые фотографии или античные ложки, но не нахожу ничего интересного, за исключением нескольких изготовленных вручную железных инструментов и «священника» – деревянной формы в виде лебедя с крюком для подвешивания над горячими углями кастрюли, которую зимой подсовывали под покрывало на кровати для согревания отсыревших простыней. Один из инструментов – элегантная маленькая скульптура, серп размером с ладонь, с истертой ручкой из древесины каштана. Любой тосканец узнает его в первый же миг: это устройство для подрезки виноградных лоз.

Когда мы посетили дом впервые, там стояли вычурные железные кровати с рисованными медальонами, изображавшими Марию и пастухов, держащих ягнят, источенные червями комоды с мраморным верхом, висели зеркала в бурых пятнах, скорбные, разрывающие сердце изображения распятия. Владелец унес все – вплоть до крышки щитка переключателей и электролампочек, – но оставил буфет тридцатых годов и безобразную красную кровать, и мы долго не могли сообразить, как ее вытащить по узкой задней лестнице с третьего этажа. Наконец мы ее разобрали и выбросили по частям через окно. Потом протолкнули через окно матрас, и я с замирающим сердцем наблюдала, как он медленно опускался на землю.

Жители Кортонь, совершая послеобеденный моцион, останавливались на дороге и наблюдали за нашей бурной деятельностью: автомобиль с багажником, полным бутылок, полет матраса, мои вопли (это скорпион упал мне на рубашку, когда я обметала каменные стены конюшни), потуги Эда, взмахами серпа прокладывающего дорогу сквозь сорняки. Иногда они останавливались и кричали, подняв головы: «Сколько заплатили за дом?»

Я захвачена врасплох, и в то же время меня умиляет эта святая простота.

«Полагаю, что слишком много!» – кричу я в ответ.

Один человек вспомнил, что очень давно здесь жил какой-то художник из Неаполя: но на памяти большинства дом все время стоял пустой.

Мы каждый день скребем и перетаскиваем. Мы купили чистящие средства, новую печь и холодильник. Из козел для пилки дров и двух досок соорудили в кухне стол. Нам приходится для стирки таскать горячую воду из ванной в пластмассовом корыте, но зато наша кухня на удивление удобная. Там у нас есть три деревянные ложки – две для салата, одна для размещения: сковорода для жаренья под крышкой, нож для резки хлеба, нож-секач, терка для сыра,

горшок для отваривания пасты, форма для выпечки и емкость для варки кофе. Мы привезли кое-какое старое столовое серебро для пикников и купили новые стаканы и тарелки. Наши первые пасты божественны. После долгих часов работы мы едим все, что попадает под руку, потом падаем в постель, усталые как батраки. Наше любимое блюдо, которое мы поглощаем в огромных количествах, – спагетти с легким соусом, приготовленным из нарезанной кубиками *pancetta* – корейки, нежирного бекона, быстро обжаренных, потом смешанных со сметаной и нарубленной дикой рукколой (этот нежный и пряный салат с небольшой перчинкой тут называется *ruchetta*). Рукколы тут много – она растет на нашем подъездном пути и вдоль каменных стен террас. Сверху посыпаем тертым пармезаном и едим. Мы научились делать лучший салат – местные помидоры, нарезанные толстыми ломтиками и поданные с нарубленным базиликом и моцареллой, а еще готовить тосканские белые бобы с шалфеем и оливковым маслом. По утрам я очищаю от шелухи эти бобы и варю на медленном огне, потом даю им постоять при комнатной температуре, затем тушу в масле. Мы чуть ли не тоннами поедаем черные оливки.

По вечерам мы успеваем готовить блюда только из трех компонентов, но их оказывается достаточно, чтобы получилось нечто великолепное. Меня вдохновляет мысль о стряпне в этих условиях – при таких суперкомпонентах все кажется легким. Оставленная в доме мраморная доска – столешница от туалетного столика – служит мне столом для приготовления теста, когда я решаю испечь сливовый пирог. Раскатывая тесто изготовленной вручную бутылкой из-под кьянти, которую выудила из хлама, я вспоминаю свою кухню в Сан-Франциско: пол из черно-белого кафеля, зеркальная стена между шкафчиками и кухонной стойкой, длинные стойки, сверкающие белизной, плита как в ресторане, достаточно большая, чтобы взлетать с нее, как с аэродрома, солнечный свет льется через окно в потолок, и всегда звучит Вивальди, или Роберт Джонсон, или Вила-Лобос. Здесь же компанию мне составляет решительная паучиха, плетущая в камине свою новую паутину. Новенькие, блестящие плита и холодильник смотрятся странно на фоне облупившихся стен и голой лампочки.

Вечером я долго отмокаю в сидячей ванне, наполненной пеной, вымываю паутину из головы, абразивную пыль из-под ногтей, оттираю ожерелья грязи с шеи. Я не была такой грязной с тех пор, как в детстве долгими летними вечерами гоняла по улице консервные банки. Эд возвращается из душа заново родившимся, он кажется сильно загорелым в белой хлопковой рубашке и шортах цвета хаки.

Пустой дом, теперь уже отдраенный, выглядит очень просторным. Большинство скорпионов куда-то эмигрировали. Благодаря толстым каменным стенам в доме прохладно даже в самые жаркие дни. Примитивный фермерский стол, оставленный в лимонарии, мы вытащили на террасу перед домом и садимся за ним обедать. Мы допоздна беседуем о ремонте, смакуя козий сыр – горгонзолу – с грушами, снятыми с дерева, и вино из винограда, растущего у Тразименского озера, которое от нас всего через долину. Ремонт кажется куда менее страшным, чем вначале. Нужны всего лишь центральная колонка, новая ванная (уже имеющиеся ванны подсоединить к ней) да новая кухня – просто, правда ведь? Как скоро мы получим разрешение на работы? Нужна ли нам на самом деле центральная колонка? Оставить ли кухню там, где она сейчас, или лучше перенести ее туда, где сейчас стояло для волов? Тогда нынешняя кухня превратится в гостиную с большим камином. В темноте нам видны «остатки» английского сада – длинная разросшаяся самшитовая изгородь. Что нам с ней делать? Выкорчевать и посадить что-нибудь другое, скажем лаванду? Я закрываю глаза и стараюсь мысленно увидеть сад через три года, но разросшиеся джунгли слишком зримы. К концу трапезы я уже готова уснуть, как лошадь, стоя.

Дом надо переориентировать в соответствии с китайским учением фэн-шуй. Почему-то нас не покидает ощущение полного благополучия. У Эда энергии хватит на троих. Я же, всю жизнь страдавшая бессонницей, тут каждую ночь сплю как убитая, и мне снятся исключительно гармоничные сны, как будто я плыву по течению в чистой зеленой реке, играя с водой

и чувствуя себя в ней как рыба. В первую ночь я увидела сон: мне дали понять, что на самом деле дом называется не Брамасоль, а Сотня Ангелов и что я буду их обнаруживать одного за другим. Менять ли имя дома – не навлечет ли это несчастья, как бывает при смене названия корабля? Я, как боязливая иностранка, не стала бы. Но для меня мой дом теперь носит еще одно имя, секретное.

Бутылки выброшены, полы, натертые воском, сияют. Мы вешаем несколько крючков на обратную сторону дверей, просто чтобы вытащить одежду из чемоданов. Используя пару ящиков и несколько квадратных плиток мрамора, найденных в конюшне, мы оборудуем два прикроватных столика, подходящих по стилю к нашим двум стульям, купленным в садовом магазине.

Мы чувствуем, что готовы приступить к реставрации дома. Мы пешком идем в город попить кофе и позвонить Пьеро Риццатти, геометра – землемеру. Эта профессия не совсем точно переводится словами «чертежник» или «землеустроитель», таких специалистов в Соединенных Штатах нет – это посредник между владельцем, строителями и городскими планировщиками. Ян убедил нас, что синьор Риццатти – лучший в округе; это следует понимать так, что у него лучшие контакты и он сможет быстро раздобыть разрешения.

На следующий день Ян уезжает с синьором Риццатти и его записной книжкой. Мы начинаем трезвый осмотр своего пустого дома.

В нижнем этаже пять помещений, расположенных в один ряд: кухня для фермера, главная кухня, гостиная, две конюшни, – после первых двух комнат имеется зал и лестница. Дом разделен пополам этой большой лестницей с каменными ступенями и сделанными вручную железными перилами. Странно спланирован этот этаж: как кукольный домик, где одна комната большая, а все остальные одинакового размера. Это как будто всем детям в семье дали одно имя. На верхних двух этажах по две спальни с каждой стороны лестницы; чтобы попасть во вторую комнату, надо пройти через первую. До недавнего времени частная жизнь не была так уж важна в итальянских семьях. Даже Микеланджело, как я читала, когда работал над проектом, ночевал вместе с тремя своими каменотесами. В больших флорентийских палаццо надо пройти через одну огромную комнату, чтобы попасть во вторую; коридоры, видимо, считались разбазариванием метража.

Западная часть дома – по одной комнате на каждом этаже – отгорожена стеной; это помещения для *contadini* – крестьян, семейств фермеров, которые выращивали оливковые деревья и возделывали виноградник. Узкая каменная лестница поднимается вверх к этим комнатам, в них нет входа из хозяйской части, разве что через переднюю дверь кухни. На фасаде дома эта дверь, две двери, ведущие в конюшни, и большая парадная, а еще четыре окна. Я мысленно вижу их с новыми ставнями, распахнутыми настежь, в дом плывет нежный аромат лаванды и роз, между окнами стоят горшки с лимонными деревцами, и дом полон людей и движения – внутри и вокруг. Синьор Риццатти поворачивает ручку двери в фермерскую кухню – ручка остается у него в руке.

Позади жилища для фермеров к третьему этажу гвоздями приколочена комнатка с санузлом, вцементированным в пол, – это следующий шаг к прогрессу после уборной без канализации. В этой части дома не было наверху проточной воды, так что фермеры, должно быть, сливали за собой из ведра. Две настоящие ваннные комнаты располагаются на лестничных площадках. Такая планировка все еще встречается в каменных домах, построенных до появления внутридомной сантехники. Нередко я вижу дома с уборными, висящими на стене; иногда их поддерживают тонкие деревянные столбы, выходящие под углом из стены здания. В небольшой ванной комнате, которая, по-моему, была устроена в Брамасоле первой, низкий потолок, пол выложен камнями в шахматном порядке и установлена очаровательная сидячая ванна. Большая ванная комната, видимо, была добавлена в пятидесятые годы, незадолго до того, как в

доме перестали жить. Кто-то принял безрассудное решение: стены от пола до потолка выложены кафелем – розовым, голубым и белым, – получились бабочки, пол облицован голубыми плитками другого тона, и вода течет из душа прямо на пол, растекается по нему. Головка душа прикреплена на стене так высоко, что от струи воды поднимается легкий ветерок и повешенная нами в углу штора заворачивается вокруг ног.

Из спальни второго этажа мы выходим на L-образную террасу, облокачиваемся о перила, и перед нами открывается изумительный вид на долину, фруктовые и оливковые рощи. Мы воображаем себе будущие завтраки здесь, под нависающим цветущим абрикосовым деревом. Перед нами – склон холма, заросший дикими ирисами, – сейчас повсюду торчат их засохшие стебли. Я вижу, как моя дочь со своим другом, намазавшись маслом для загара, читают романы, разлегшись на шезлонгах, а рядом стоит кувшин с охлажденным чаем. Пол на террасе кирпичный, как во всем доме, только тут плитки живописно истерлись и обросли мхом. Однако синьор Риццатти хмурится при виде этих плиток. Когда мы спускаемся, он указывает на потолок лимонария, он находится как раз под этой террасой: потолок тоже оброс мхом и даже местами крошится. Протечки. Похоже, ремонт обойдется нам недешево. Каракули в записной книжке землемера растягиваются на две страницы.

Мы убеждаем себя, что нас устраивает эта нелепая планировка. Зачем нам восемь спален? Пусть останутся четыре, а к каждой лучше присоединить кабинет, гостиную, гардеробную: правда, комнату по соседству с нашей спальней мы решаем превратить в ванную. Двух ванн как будто достаточно, но мы бы хотели позволить себе роскошь иметь личную ванную рядом со спальней. Если получится перестроить примитивный туалет в фермерской части дома, находящийся сразу за нашей комнатой, у нас может получиться отдельная уборная. Землемер указывает металлической рулеткой на заделанный кирпичом проем двери, которая когда-то вела из нашей спальни в спальню фермера. Мы считаем, что ее можно будет пробить снова.

В нижнем этаже комнаты, пожалуй, расположены неудобно. Когда мы впервые увидели этот дом, я легкомысленно заявила: «Эти стены снесем, устроим тут, внизу, две большие комнаты». Теперь наш землемер объясняет, что в этих стенах нельзя пробивать большое отверстие из-за опасности землетрясений. Интуитивно я понимаю смысл такой планировки дома. Я вижу наклон стен первого этажа возле пола, он соответствует наклону больших камней фундамента. Дом этот строился в каком-то смысле по аналогии с каменными террасами холма – камни укладывались без известки, они были обтесаны и заклинены. Я сужу по толщине дверных проемов и подоконников: стены, поднимаясь вверх, утончаются. На третьем этаже стены вдвое тоньше, чем на первом. Что же удерживает верхние этажи дома? Может быть, встроить несколько современных двутавровых стальных балок в пробитые отверстия?

Когда во Флоренции начали строить купол главного городского собора, еще не знали технологии сооружения такой большой полусферы. Кто-то предложил засыпать внутрь большую кучу земли и построить купол вокруг нее, а в кучу спрятать деньги и по завершении строительства предложить крестьянам покопаться там, поискать монеты и заодно вывезти землю. К счастью, Брунеллески вычислил, как возвести купол. Я надеюсь, что и этот дом кто-то строил по основательным принципам, но все же у меня возникают дурные предчувствия – не рискованно ли пробивать толстые, как крепостные, стены первого этажа, вытаскивать из них камни.

У землемера много своих соображений. Он считает, что следует убрать заднюю лестницу, которая ведет в комнату фермера. Но она нам нравится, ведь забавно иметь в доме секретный выход. Землемер считает, что надо заново оштукатурить покрытую трещинами и осыпавшуюся лепку фасада, а фасад покрасить охрой. Ну уж это ни за что. Мне нравится окраска дома, меняющаяся в зависимости от освещения, нравится ее интенсивное золотое сияние во время дождя, как будто стены пропитаны солнцем. Землемер считает, что для нас приоритетом должна быть крыша. Но крыша не протекает – зачем ее трогать, когда так много более насущ-

ных проблем? Мы объясняем ему, что не можем сделать все за один раз. Мы уже потратили на покупку дома уйму денег. Реконструкция должна идти постепенно. Многие работы мы выполним сами. Я пытаюсь втолковать синьору Риццатти, что среди американцев иногда встречаются «мастера на все руки». Говоря это, я замечаю по лицу Эда, что он впадает в панику. «Мастер на все руки» на итальянский не переводится. Землемер качает головой: мы безнадежны, если нам приходится втолковывать такие простые вещи.

Он разговаривает с нами ласково, как будто, если отчетливо произносить слова, мы поймем его лучше. «Послушайте, крышу надо укрепить. Черепицу сохраняют, пронумеруют ее и снова уложат в том же порядке, но у вас будет изоляция: крыша станет более прочной».

И вот вопрос ставится так: или крыша, или центральное отопление, но не то и другое сразу. Мы обсуждаем, что важнее. В конце концов, мы будем жить здесь в основном летом. Однако не хотим замерзнуть в Рождество, когда приедем собирать оливки. Если мы вообще собираемся проводить центральное отопление, это надо делать одновременно с системой водоснабжения и канализацией. Крышей можно заняться в любое время – или никогда. Сейчас вода хранится в цистерне, стоящей в фермерской спальне. Когда принимаешь душ или сливаешь воду, срабатывает насос, и вода из колодца льется в цистерну. Отдельные колонки для нагревания воды (чудом они оказались в рабочем состоянии) висят над каждым душем. Нам нужны центральная колонка и большая цистерна, соединенная с колонкой, чтобы шумный насос не работал постоянно.

Мы решаем дилемму в пользу отопления. Землемер, уверенный, что мы все-таки опомнимся, говорит, что подаст запрос и на получение разрешения ремонтировать крышу.

В трагический период жизни дома некий безумец во всех комнатах покрыл балки из каштана ужасным лаком. Эта невообразимая технология была в какой-то период популярна на юге Италии. Согласно ей, балки полагаются окрасить чем-то клейким и вязким, а потом прошкурить, чтобы имитировать древесину. Поэтому теперь единственный выход – пескоструйная обработка. Работа жуткая, но быстро дает результаты, а потом мы сами сделаем пропитку и покроем балки воском. Я однажды выполняла повторную чистовую обработку матросского рундучка, и мне понравилось.

Нам понадобится отремонтировать двери и окна. Все оконные переплеты и внутренние ставни покрыты одним и тем же составом, имитирующим древесину. На совести того же самого безумца, вероятно, и камин, который покрыт керамическими плитками «под кирпич». Какой-то извращенный вкус – уродовать балки из натурального дерева покрытием «под древесину». Все это надо убрать, а заодно и голубые изразцы на подоконнике, «бабочек» в ванной. В кухнях – и в главной, и в фермерской – стоят грубые цементные мойки. Список необходимых работ в записной книжке землемера уже занимает три страницы. В фермерской кухне полы выложены плитками из мраморной крошки, донельзя безобразной. Под потолком на белых фарфоровых роликах висят мотки старых проводов. Иногда, когда я включаю свет, там пробегает искра.

Землемер сидит на стене террасы, утираясь огромным полотняным платком с монограммой, и с жалостью смотрит на нас.

При реставрации правило номер один для хозяина: находиться на месте действия. Мы же окажемся за океаном, когда будет проводиться основная часть фундаментальной работы. Мы готовимся выслушать предложения на тендер, чтобы выбрать подрядчика.

Нандо Лучиньоли прислал к нам синьор Мартини. Нандо приезжает в «Ланчии» и останавливается внизу, у подъездного пути, глядя не на дом, а на долину. Должно быть, решаю я, большой любитель пейзажей, но вижу, что он говорит по мобильному, размахивая сигаретой и жестикулируя. Потом бросает трубку на переднее сиденье.

«Отличное место». – Он снова размахивает сигаретой «Голуаз», пожимает нам руки и чуть ли не кланяется мне. Его отец – каменщик. А этот красивый парень стал подрядчиком.

Его, как и многих итальянских мужчин, окружает лимонная солнечная аура – запах одеколona или лосьона для бритья с легкой примесью сигаретного дыма. Он пока больше не сказал ни слова, но я уверена, что он и есть нужный нам подрядчик. Мы ведем его осматривать дом. «Ничего, ничего, – повторяет он. – Проложим трубы отопления в коробах по задней стене дома, на это нужна неделя; на ванную – три дня, синьора. На все уйдет один месяц. У вас будет прекрасный дом. Просто закройте дверь, отдайте мне ключ, и к вашему приезду все будет готово». Он уверяет нас, что для переделки конюшни в кухню может достать старинные кирпичи, не отличающиеся от тех, из которых сложен дом. Электропроводка? У него есть друг – электрик. Кирпичи для террасы? Он пожимает плечами: о, тут нужно немного известкового раствора. Пробить стены? Его отец – специалист в этом вопросе. Ему на лоб падают пряди черных волос, зачесанных назад. От природы они выются и норовят вернуться в свое исходное состояние. Он был бы вылитый Вакх с картины Караваджо – если бы не глаза цвета зеленого мха и не легкая сутулость, вероятно, от постоянного наклона вперед во время езды на автомобиле. Он считает мои соображения дельными; по его словам, мне надо было стать архитектором, у меня великолепный вкус. Сидя на стене террасы, мы выпиваем по стакану вина. Эд уходит в дом варить себе кофе. На обратной стороне конверта Нандо рисует схемы трубопроводов. Мой итальянский очарователен, хвалит он. Он понимает каждое произнесенное мной слово. Он говорит, что завтра завезет нам свои расчеты. Я уверена, что за зиму Нандо с отцом и несколькими рабочими преобразят Брамасоль.

«Отдыхайте, положитесь на меня», – говорит он, разворачиваясь на подъездной дороге. Я машу ему рукой на прощание и замечаю, что Эд остался на террасе. Он ничего не сказал о Нандо, кроме того, что пахнет от него как от парфюмерной лавки, что курить сигареты «Голуаз» – манерность и что он не считает целесообразным проводить центральное отопление именно таким способом.

Ян привозит Бенито Кантони, желтоглазого, крепко сбитого коротышку, который удивительно похож на Муссолини. Ему около шестидесяти, так что они, должно быть, ровесники. Я вспоминаю, что Муссолини в свое время назвали в честь мексиканца Бенито Хуареса, который сражался против французских угнетателей. Подумать только, такое революционное имя носил диктатор, а теперь оно досталось этому спокойному человеку с широким непроницаемым лицом и лысой головой, сияющей, как полированный орех. Говорит он немного – и при этом на местном диалекте долины ди Кьяна. Он не понимает ни слова из того, что говорим мы, а мы тем более не понимаем его. Даже Яну трудно. Бенито работал на реставрации часовни в Ле-Челле, ближайшем монастыре, это солидная рекомендация. На нас большое впечатление производит дом, который Бенито реставрирует возле Кастильоне-дель-Лаго; Ян везет нас и показывает этот фермерский дом с башней, предположительно построенный тамплиерами – рыцарями ордена храмовников. Его работа выглядит аккуратной. Двое его подручных, каменщики, в противоположность ему широко улыбаются.

Вернувшись в Брамасоль, Бенито проходит по дому и участку, ничего не записывая. Он излучает твердую уверенность. Когда мы спрашиваем Бенито о смете, он игнорирует вопрос. Невозможно предугадать заранее, с какими проблемами он столкнется. Сколько мы намерены потратить? (Ничего себе вопрос!) Он не знает, как поведут себя плитки пола, не знает, что может открыться, когда он снимет кирпич с верхней террасы. Одна из балок на третьем этаже, замечает он, потребует замены.

Смета – понятие, чуждое местным строителям. Они привыкли работать днем, в присутствии кого-либо из хозяев, который всегда в курсе, сколько времени они тут провели. У них не составляют проекты, хотя они иногда могут сказать: «За три дня» или «За пятнадцать дней». Мы выяснили, что «за пятнадцать дней» – это просто такая формулировка и понимать ее надо следующим образом: говорящий не имеет представления о том, сколько времени ему потребуется, но предполагает, что рано или поздно дело будет сделано. Что такое «пятнадцать минут»,

мы поняли, когда опоздали на поезд: надо было сообразить, что речь идет о нескольких минутах, а не о пятнадцати, как нам сказал сам проводник поезда в ответ на вопрос о времени отбытия. Я думаю, что у большинства итальянцев представление о времени более растяжимое, чем у нас. Зачем спешить? Если дом уже построен, значит, он простоят долго-долго, может, тысячу лет. Две недели или два месяца – невелика разница.

Пробить стены? Он бы не советовал. Он жестикулирует, объясняя, что дом тут же обрушится. Он обещает появиться на этой неделе с конкретными цифрами. Уходя, он наконец-то ослепляет нас улыбкой. Его квадратные желтые зубы кажутся достаточно крепкими, чтобы раскусить кирпич. Ян его одобряет, Нандо же он отказывает в доверии как «плейбою западного мира». Эд явно доволен.

Наш землемер рекомендует третьего подрядчика – Примо Бьянки, и тот приезжает в «Эйпе» – миниатюрном трехколесном грузовичке. Примо и сам миниатюрен, едва ли полтора метра ростом, плотный, в спецодежде, на шее повязан красный платок. Он выкатывается из грузовичка и приветствует нас как положено – обычным «Храни вас Бог, синьоры». Он напоминает человека из команды Санта-Клауса, на нем очки в золотой оправе, у него развевающиеся седые волосы, на ногах высокие сапоги. «Вы позволите?» – спрашивает он перед тем, как мы входим в дом. У каждой двери он останавливается и повторяет: «Вы позволите?» – как будто может застать там кого-то раздетого. Он держит в руках кепку так, как ее держали рабочие на заводе моего отца, на Юге: он явно привык к роли «крестьянина», разговаривающего с *padrone* – «хозяином». Вместе с тем в нем чувствуется профессиональная гордость, какую я часто замечаю здесь у официантов, механиков, рассыльных. Он пробует на прочность оконные шпингалеты и дверные петли, тычет кончиком ножа в балки, проверяя, не гнилые ли, раскачивает неплотно прилегающие кирпичи.

Он доходит до какого-то места на полу, опускается на колени и поглаживает два кирпича, отличающиеся по цвету: они чуть светлее остальных. «Я, – говорит он и сияет, тыча рукой себе в грудь, – заменил их много лет назад». Потом рассказывает нам, что он был в бригаде, устанавливавшей главную ванну, и что он приезжал сюда каждый год в декабре, чтобы затащить большие кадки с лимонами на зиму с террасы в лимонарий. Владелец дома был в то время уже вдовцом, в возрасте отца Примо, пять его дочерей выросли и разъехались. После его смерти дочери запустили дом. Они не хотели его продавать, но ни одна не позаботилась о доме за тридцать лет. Ага, я представляю себе этих сестер из Перуджи: в своих узких железных кроватях в пяти спальнях все просыпались одновременно и открывали настежь окна. Я не верю в привидения, но с самого начала чувствовала присутствие этих девочек – их тяжелые черные косы, перевитые лентами, их белые ночные рубашки с вышитыми инициалами, их мать, каждый вечер выстраивавшая дочерей перед зеркалом, чтобы провести серебряной щеткой по волосам положенную сотню раз.

На верхней террасе Примо качает головой. Надо поднять кирпичи, потом проложить один слой рубероида и изоляции. У нас такое ощущение, что он знает, о чем говорит. «Центральное отопление? Топите в доме камин, одевайтесь тепло, синьора, устроить его обойдется вам очень дорого». Две стены? Да, это можно сделать. Нет смысла думать еще о ком-то: мы оба поняли, что Примо Бьянки – тот человек, которому нужно поручить ремонт.

Если в первой главе упоминается ружье, висящее над каминной полкой, значит, в конце повествования оно должно выстрелить.

Когда последний владелец убеждал нас в изобилии воды, он даже расчувствовался. Он очень этим гордился. Когда он водил нас по территории Брамасоля, он на всю катушку открыл регулирующий кран в саду, сунул руки в холодную колодезную воду. «Этот источник воды использовали еще этруски. Эта вода славится как самая чистая. Вся система водоснабжения крепости Медичи, – он жестом указал на стены крепости пятнадцатого века на вершине

холма, – проходит через эту землю». Он говорил на безупречном английском, и притом со знанием дела. Он описал водостоки окружающих гор, богатый источник, который течет с нашей стороны по горе Сант-Эджидио.

Конечно, мы заказали обследование, прежде чем приобрести собственность. Независимый землемер из Умбрии предоставил нам подробные расчеты. Вода, признал он, имеется в изобилии.

Прошло шесть недель после нашего вступления во владение, я принимаю душ, и вдруг поток воды замедляется, потом вода течет тонкой струйкой, потом капает и... иссякает. С мылом в руках я стою несколько минут, ничего не понимая, потом решаю, что, вероятно, случайно выключился насос или же прекратилась подача электроэнергии. Правда, лампочка над головой горит. Я выхожу, полотенцем стирая с себя мыло.

Синьор Мартини приезжает из своего офиса, у него в руках длинный строп с отмеченными на нем промежутками и гирькой на конце. Мы поднимаем камень с колодца, и он опускает грузило вниз, в колодец.

– Мало воды, – громко заявляет он, когда грузило касается дна. Он вытаскивает грузило вместе с черными корнями, вода смочила от силы десять сантиметров стропа.

Колодец – глубиной каких-то двадцать метров, а насос изготовлен разве что в эпоху промышленной революции. Вот тебе и экспертиза незаинтересованного землемера из Умбрии. Как выяснилось, Тоскана уже третий год страдает от сильной засухи, но ведь это не оправдание.

И синьор Мартини еще громче заявляет:

– Нужен новый колодец.

А пока, предлагает он, мы можем купить воду у его друга, который привезет ее в грузовике. К счастью, у него имеются «друзья» на разные случаи жизни.

– Вода будет из озера? – спрашиваю я, представляя себе маленьких жаб и склизкие зеленые водоросли Тразименского озера.

Он утверждает, что вода будет чистая, даже фторированная. Его друг просто подаст насосом в колодец нужное количество литров, и воды нам хватит до конца лета. К осени будет новый колодец, глубокий, с прекрасной водой – ее хватит на устройство бассейна.

Бассейн стал лейтмотивом, пока мы подбирали себе дом. Поскольку мы из Калифорнии, все, кто показывал нам дома, предполагали, что мы в первую очередь захотим бассейн. Я вспомнила, что много лет назад, при моей поездке на Восток, сын подружки спросил меня, не провожу ли я свои занятия со студентами в купальном костюме. Мне понравилось его наблюдение. А если не имеешь бассейна, думаю я, надо иметь друга, у которого он есть. Однако в мои отпускные планы устройство бассейна не входит. Нам и без того хватает забот.

Так что мы покупаем цистерну воды, чувствуя себя дураками, но зато успокоившись. Нам остается прожить в Брамасоле всего две недели, а заплатить другу Мартини гораздо дешевле, чем перебираться в отель, – и далеко не так унижительно. Я не знаю, почему вода даже не просачивается в высохший водоносный слой.

Мы теперь принимаем душ очень быстро, пьем только бутилированную воду, часто едим вне дома и сдаем вещи в сухую химчистку. Весь день из долины к нам сюда, наверх, доносится ритмичный рев бурильных установок. Похоже, что у других жителей тоже нет глубоких колодцев. Интересно, есть ли еще кто-нибудь в Италии, кто закачал в свою землю цистерну воды? Я почему-то путаю созвучные слова «колодец» (pozzo) и «сумасшедший» (pazzo), второе, должно быть, относится непосредственно к нам.

К тому моменту как мы начинаем понемногу представлять себе предстоящий объем ремонтных работ, приходит время уезжать. В Калифорнии студенты уже покупают себе учебники, читают расписание занятий. Мы пишем заявления, чтобы нам выдали разрешения на проведение работ. Все сметы астрономические – нам придется самим изрядно потрудиться. Помню, как меня ударило током, когда я меняла электроцит в своем кабинете. У Эда однажды

нога провалилась через потолок, когда он вскарабкался на чердак, чтобы устранить протечку на крыше. Мы звоним Примо Бьянки и просим его выполнить основную работу и связаться с нами, когда придут разрешения. К счастью, Брамасоль находится в «зеленой зоне» и в «зоне памятников изящных искусств», здесь ничего нового строить нельзя, и дома защищены от переделок, которые могли бы нарушить их архитектурную целостность. В этом случае требуются разрешения и местного, и регионального муниципалитетов, на этот процесс уйдут месяцы – даже целый год. Мы надеемся, что у Риццатти именно такие хорошие связи, как нам говорили. Брамасолю придется простоять пустым еще одну зиму. Когда оставляешь сухой колодец, и во рту остается сухой привкус.

Как раз перед отъездом мы встречаем на площади прежнего владельца, одетого в новый костюм от «Армани». Он спрашивает:

– Ну, как в Брамасоле?

– Лучше и быть не может, – отвечаю я. – Нам все там нравится.

Закрывая дом, я сосчитала, что нужно запереть семнадцать окон, каждое с тяжелыми наружными ставнями, и еще искусно сделанные внутренние окна с поворотными деревянными панелями, и семь дверей. Когда я задвинула ставни, каждая комната сразу же оказалась в темноте, только пятна солнечного света просачивались и ложились на пол, как изображение сот. Двери закрывались железными штырями, которые следовало вогнать на место, за исключением большой парадной двери – она закрывается железным ключом и, я предполагаю, делает бессмысленным тщательное запираение других дверей и окон, поскольку решительно настроенный вор легко сможет пробраться внутрь. Но этот дом простоял пустым тридцать зим, что ему еще одна зима? Любой вор, который проберется в темный дом, найдет там одинокую кровать, пару комплектов постельного белья, печь, холодильник, горшки и сковородки.

Странное ощущение – упаковать сумку и уехать, просто оставить дом в свете раннего утра, моего любимого времени дня, как будто тебя никогда тут вообще не было.

Мы едем к Ницце, на побережье Лигурийского моря. Проезжаем, оставляя позади холмы, поля подсолнухов с опущенными головками и указатели границ городов с магическими названиями: Монтеварки, Флоренция, Монтекатини, Пиза, Лукка, Пьетрасанта, Каррара с ее рекой, мутной от мраморной пыли. Все мелькающие мимо дома для меня как люди: каждый – вещь в себе. С нашим отъездом Брамасоль, кажется, ушел в себя: стоит прямой, сдержанный, обратившись фасадом к солнцу.

Мы один за другим пролетаем туннели, и я ловлю себя на том, что напеваю «Сыр стоит один».

– Что ты поешь? – Эд пронесется мимо других автомобилей со скоростью 140 километров в час; боюсь, что он считает нормальным этот кровавый спорт – итальянское автовождение.

– Ты разве не играл в первом классе в «Фермера в ложине»?

– Я играл в «Схвати флаг». А в игры с пением играли только девчонки.

– Мне всегда нравился самый конец игры, когда надо гудеть «Сыр стоит один» и акцентировать каждый звук. Как грустно – уезжать, когда знаешь, что дом простоит тут всю зиму, а мы будем так заняты, что даже не вспомним о нем.

– Да мы каждый день будем думать, где и что надо в нем сделать, строить планы и еще гадать, на какую сумму нас надуют.

В Ментоне мы поселяемся в отель и весь вечер купаемся в Средиземном море. Теперь Италия для нас – далекий край земли в туманном сумраке. Брамасоль теперь где-то там, на расстоянии световых месяцев, стоит в тени: полуденное солнце опустилось за гребень холма над ним. А еще дальше, на расстоянии световых лет от нас, в Калифорнии, наступает утро; солнечный свет заливает столовую, а кошка по имени Сестра греет свою шкурку, разлегшись на столе под окном. Мы идем в город по длинному тротуару для пешеходов прогулок и съедаем по

миске овощного супа и жареную рыбу. На следующее утро, ни свет ни заря, мы едем на машине в Ниццу и улетаем. Спеша по взлетно-посадочной полосе, я замечаю лес машущих рук на фоне яркого неба; потом мы поднимаемся в воздух – и покидаем Италию на девять месяцев.

Сестрица Вода, братец Огонь

Наступил июнь. Нам сказали, что зима была суровой, а весной все цвело необычайно пышно. Маки расцвели поздно, и аромат баптисии все еще наполняет воздух. Дом выглядит так, будто впитал еще больше солнца за время нашего отсутствия. В остальном все по-прежнему, и у меня создается впечатление, будто я отсутствовала всего несколько дней. Кажется, лишь минуто назад я сражалась с сорняками, теперь я снова этим занимаюсь. Но я часто останавливаюсь: мне интересно наблюдать за человеком с цветами.

Побег олеандра, несколько цветков кружева королевы Анны, большой букет дикого шиповника, пушистые головки одуванчика, лютики, лаванда – каждый день я заглядываю посмотреть, что положили в киот возле подъездного пути. Когда я впервые увидела в киоте цветы, то подумала, что их принесла женщина. Скоро я увижу ее: одетая в синее ситцевое платье, она приедет на стареньком велосипеде, и на руле будет висеть сумка для покупок.

И действительно, как-то ранним утром пришла сутулая женщина в красной шали. Она поцеловала кончики своих пальцев, потом прикоснулась ими к керамическому изображению Марии. Я видела, как молодой человек остановил свой автомобиль, выпрыгнул на мгновение, потом автомобиль с ревом умчался. Ни она, ни он не принесли цветов. Потом однажды я увидела, что по дороге из Кортони идет мужчина – медленно, с достоинством. Я услышала, как на миг смолк звук его шагов, а позже обнаружила в киоте свежий букетик: дикие астры лежали в куче других увядающих и засохших пучков, их заменил пурпурный душистый горошек.

Теперь я поджидаю того мужчину. Он высматривает цветы на обочинах дороги и в поле, наклоняется и срывает то, что ему захотелось. Каждый раз он приносит новые цветы. Я у себя на верхней террасе сдираю плющ с каменных стен и отсекаю с деревьев сухие ветви. Здесь так много цветов, что я постоянно отвлекаюсь и люблюсь ими. Я не знаю многих английских названий цветов, а уж итальянских тем более. Одно растение, имеющее форму небольшой, как раз для того, чтобы поставить на стол, рождественской елочки, ошетинилось во все стороны белыми цветками. Мне кажется, я тут где-то видела дикие красные гладиолусы. Алые маки ковром устилают откосы холмов. Голубые ирисы, тоже растущие в изобилии, теперь поблекли и стали пепельно-серыми. Трава обвивает мои колени. Я поднимаю голову и вижу, что мужчина замедляет ход и разглядывает меня. Я машу ему рукой, но он не машет в ответ, просто смотрит, словно я, иностранка, – дикое существо, как животные в зоопарке, не осознающие, что на них смотрят.

Когдаходишь к дому, первое, что бросается в глаза, – этот киот. Такие киоты в стиле делла Робиа, высеченные в каменных стенах домов, в этих местах не редкость. Но другие киоты не ухожены и забыты.

Наш же имеет вполне пристойный вид.

Он стар, этот путник в пальто, наброшенном на плечи, медленно и раздумчиво бредущий по дороге. Однажды я прошла мимо него в городском парке, и он серьезно сказал: «Добрый день», – но только после того, как я поздоровалась первой. Он на минуту снял кепку, и я увидела венчик седых волос вокруг голой макушки. Глаза у него затуманенные и углубленные в себя, холодные, синие. Я встречала его и в центре города. Он необщителен, не встречается с друзьями в барах, не замедляет ход, гуляя по главной улице, чтобы приветствовать знакомых. Ко мне вдруг закрадывается мысль, а не ангел ли он, – он кажется невидимкой для всех, кроме меня. Я вспомнила сон, который видела в первую проведенную тут ночь: мне снилось, что я обнаружу сотню ангелов, одного за другим. Но у этого ангела, однако, есть тело. Он утирает лоб носовым платком. Возможно, он родился в этом доме или любил кого-нибудь, кто жил здесь. Или остроконечные кипарисы вдоль дороги, каждый из которых посажен в память местного парнишки, погибшего в Первую мировую (слишком много для такого небольшого городка!),

напоминают ему о друзьях. Или он ежедневно благодарит Иисуса за то, что его дочери удалось избежать сложной хирургической операции.

Или же это просто обычный маршрут его прогулок.

Что бы это ни было, я не спешу ни стирать пыль с лика Марии, ни драить до блеска синеву тряпкой, ни даже убирать кучу засохших букетов. Старые дома и города живут своей жизнью и далеко не каждому открывают свое прошлое. У этого дома богатая история. Я совершенно ничего не знаю о нем, не знаю, чего тут можно касаться и чего нельзя, хотя ужасно хочется всего коснуться. Я представляю пять сестер из Перуджи, так долго хранивших семейную собственность. Они позволяли каменным комнатам обрастать пушистой белой плесенью, виноградным лозам душить деревья, а сливам и грушам осыпаться на землю лето за летом. Но не отпускали дом в чужие руки. Наверное, в детстве они просыпались по утрам в одно и то же время, распахивали ставни своих спален, вдыхали свежий зеленый воздух. Этот дом стал хранилищем их общих воспоминаний.

Наконец они его отпустили, и он достался мне, которая по воле случая оказалась в нужное время в нужном месте. Теперь я держу в руках карты восемнадцатого века, на которых изображены дом и участок. Стрелка внизу карты указывает на консольные ступени, выступающие из каменной стены. Пластическая монолитность этих ступеней из известняка, повисших в воздухе, – оригинальное решение одного из прежних хозяев, которому требовалось переходить с одной террасы на другую. Из-за голубых и серых лишайников, сплошь покрывших ступени, кажется, что по ним не ступала нога человека, но, проведя рукой по ступеньке, я нащупываю неглубокую вмятину в ее центре.

С высокой террасы я смотрю вниз, на свой дом. В тех местах, где на нем осыпалась штукатурка, проглядывает камень, так называемый *pietra serena* – спокойный камень, квадратный, основательный. Из-за двух пальм, растущих перед домом по обе стороны парадной двери, кажется, что дом стоит где-нибудь в Коста-Рике или Танжере. Мне нравятся пальмы, их сухое шуршание под ветром и экзотический вид. Над двустворчатой фасадной дверью, над ее верхним окном, пристроен каменный балкон с балюстрадой из кованого железа, я планирую высадить здесь герань и жасмин.

На этой террасе до меня не доносятся практически никакие звуки. Мне видны наши оливковые деревья: некоторые из них погибли, другие отстали в росте после сильных заморозков 1985 года, но большинство цветет, сверкая серебром и зеленью. Я насчитала три фиговых дерева с огромными листьями, а под ними разглядела желтые лилии. Тут я могу отдыхать, созреть на неровных холмах, дорогу, обсаженную кипарисами, смотреть на лазурное небо с барочными облаками, из-за которых, кажется, вот-вот выглянут херувимы. Вдали виднеются каменные дома с редким кустарником, террасы с аккуратно подстриженными оливковыми деревьями и виноградником.

Меня очень удивило, что у меня есть киот. Но еще больше меня удивило, что я присоединилась к ритуалу человека с цветами. Я кладу на траву ножницы для подстригания кустарника. Он медленно приближается, держа цветы за спиной. Когда он возле киота, я не позволяю себе смотреть на него. А после его ухода спускаюсь взглянуть, что он принес. Дрок? Маки? Лаванду и пшеницу? Я всегда прикасаюсь к стебельку травинки, которой он перевязывает букет.

Эд находится на два уровня выше меня, он очищает от плюща ствол белой акации. При каждом зловещем треске или хрусте я боюсь, что он накренится и слетит вниз. Я тяну за жесткие стелющиеся побеги. Плющ обвил все, что можно. Из-за него рушатся каменные стены. Некоторые стволы плюща – толщиной с мою щиколотку. Я вспоминаю о том плюще, который растет в красивых жардиньерках на стене моего дома в Сан-Франциско, и воображаю, как в мое отсутствие он разрастется, оплетет мебель и окна. Я чувствую приятный аромат – я раздавила побеги Melissa лимонной и *peritella* – крошечной дикой мяты. Прислонившись к стене, я

отрезаю побег плюща и выдергиваю его. Мне в лицо летит земля, мелкие камешки ударяются о мои туфли. Рядом со мной устроилась на полуденный отдых змея. Она засунула голову в стену, передо мной болтается ее хвост длиной больше полуметра. В какую сторону она поползет: назад или вперед, в глубь стены, и сделает разворот? Я вновь приступаю к работе, но поодаль от змеи. А потом стена исчезает, и я чуть ли не исчезаю в дыре.

Я прошу Эда спуститься.

– Посмотри – вдруг это колодец? Но разве бывает колодец внутри стены?

Эд карабкается вниз, оказывается как раз надо мной и наклоняется посмотреть. В том месте стены, где он сидит, необычайно густо разрослась ежевика.

– Похоже, отверстие как раз тут, наверху. – Он включает машину для удаления сорняков, но ежевика не поддается, тогда Эд прибегает к помощи серпа. Медленно он расчищает желоб, облицованный камнем. Желоб, выложенный огромными старинными камнями, изгибается и идет вниз, как наклонная горка на детской площадке, и исчезает под землей, в нем есть отверстие – в той стене, которую я освобождаю от плюща. Мы смотрим на террасу над Эдом – там ничего похожего. Но двумя террасами выше тоже замечаем густые заросли ежевики.

Вероятно, сейчас все наши мысли заняты проблемой воды и колодца. Несколько дней раньше, когда мы приехали сюда на лето, нас встретили грузовики и автомобили, выстроившиеся вдоль шоссе, и куча земли на нашей подъездной дороге. Новый колодец, пробуренный другом синьора Мартини, был почти готов. Водопроводчик Джузеппе, который устанавливал нам насос, каким-то образом наехал своей обожаемой «пятисоткой» на каменный бордюр нашего подъездного пути. Он вежливо представляется нам, потом отворачивается, пинает и ругает свой автомобиль. «Пресвятая Мадонна змеиная! Свиньячья Мадонна!» Как это: Мадонна – змея? Или свинья? Он запустил двигатель на полный ход, но трем колесам, оставшимся на земле, не хватало сцепления, чтобы сдвинуть ведущий мост с камня. Эд попытался раскатать автомобиль и подтолкнуть его. Джузеппе снова пнул свою машину. Трое буровиков, прорывших колодец, рассмеялись, потом помогли Эду: они буквально подняли миниатюрный автомобиль и перенесли его на ровную площадку. Джузеппе достал из машины новый насос и пошел к колодцу, все еще бормоча себе под нос что-то нелицеприятное насчет Мадонны. Мы наблюдали, как рабочие опустили насос в колодец на глубину почти сто метров. Наверное, это самый глубокий колодец в христианском мире. Они быстро добрались до воды, но синьор Мартини велел им качать дальше, чтобы создать запас воды. Мы нашли синьора Мартини в доме, он давал указания помощнику Джузеппе. Мы-то об этом даже не подумали, но они сообразили перенести колонку для нагрева воды из самой старой ванной в кухню, так что этим летом в нашей импровизированной кухне будет горячая вода. Я тронута такой заботой: синьор Мартини дал распоряжение прибрать в доме и посадить маргаритки и петунии возле пальм.

Он уже успел загореть, и его нога выздоровела.

– Как ваш бизнес? – спросила я. – Много домов продали доверчивым иностранцам?

– Неплохо, – он кивнул нам, мол, следуйте за мной. У старого колодца он вытащил из кармана грузило и опустил его вниз. Мы тут же услышали, как грузило ударило о воду. Он засмеялся: – Полный, весь полный.

За зиму старый колодец доверху наполнился водой.

Я прочитала в книге по местной истории, что та область Кортонь, где расположен Брамасоль, представляет собой водораздел: по одну сторону от нас вода течет в долину ди Кьяна, по другую стекает в долину Тибра. Нас уже заинтриговало наличие подземной цистерны возле подъездного пути. Посветив вниз, в круглое отверстие, мы видим высокую каменную арку – под ней можно встать во весь рост, и глубокую лужу – мы так и не смогли достать до ее дна ни одной палкой. Я вспоминаю, что в детстве любила детективы про Нэнси Дрю, в частности роман «Тайна старого колодца», хотя сюжета не помню. Большое впечатление производят на меня маршруты, по которым можно скрыться бегством из крепости Медичи. Созерцание под-

земной цистерны воскрешает в памяти первые полученные мной сведения об античной Италии: миссис Бейли, моя учительница в шестом классе, рисует на доске арки римского акведука и объясняет, сколь изобретательны были древние римляне в вопросе сохранения воды. «Длина акведука Аква Марсии, – рассказывала она, – составляла шестьдесят две мили. Для сравнения, это две трети пути от города Фитцджеральд в штате Джорджия до города Мейкон. И до сих пор сохранились некоторые арки, построенные в сто сороковом году». Мы все старалась запомнить эту дату – 140 год.

Отверстие цистерны как будто превратилось в туннель. Хотя по обе стороны цистерны есть опоры для ног, у нас не хватает храбрости спуститься в сырое подземелье, чтобы его исследовать. Мы таращимся во мрак, рассуждая, как велики должны быть скорпионы и змеи там, вне нашего поля зрения. Над цистерной в каменной стене проделано отверстие, похожее на рот, как будто вода должна вливаться в цистерну оттуда.

Вырывая толстые корни плюща и обметая паутину с каменных стен, мы начинаем догадываться, что желоб, который мы сейчас расчищаем, должен быть соединен с отверстием выше цистерны. В следующие несколько дней мы открыли еще четыре каменных желоба: они проходят вниз, с террасы на террасу, и заканчиваются большим квадратным отверстием, которое уходит под землю примерно на восемь метров, потом вновь появляется на самой нижней террасе, над цистерной, как раз там, где мы предполагали. В основании всех желобов лежит один большой камень, в нем есть изгиб, чтобы вода могла стекать вниз. Когда каналы будут расчищены, во время дождя вода каскадом побежит в цистерну. Я соображаю, что, если к цистерне подсоединить небольшой рециркуляционный насос, можно будет подавать часть воды постоянно. Тем, кто испытал ужас при виде пересохшего колодца, звуки льющейся воды покажутся прекрасной музыкой. Нам еще повезло, что мы не споткнулись об эти желоба в прошлом году, когда блаженно блуждали по террасам, восхищаясь цветами и распознавая фруктовые деревья.

В стене террасы третьего уровня торчит ржавая труба, она рассыпается на мелкие кусочки, когда мы врубаемся в тернистые кусты ежевики. Под кустами обнаруживаем плоский камень. Мы лопатами разгребаем землю и медленно откапываем вырубленную в камне мойку, которая когда-то стояла в кухне, пока ее не заменили «усовершенствованной» бетонной. Я опасаясь, не треснула ли она, и мы очищаем ее от земли, вытаскиваем из ямы с помощью кирки. К счастью, мойка цела и невредима. Она представляет собой небольшую чашу для умывания с желобками для стока с обеих сторон. Сток в углу чаши забит корнями. А мы все сокрушались, что в нашем доме нет никакого оригинального местного предмета обихода. Во многих старых домах установлены и функционируют подобные мойки, сток из них выводится прямо через стену кухни во двор, вначале пройдя через каменный уступ в виде створок раковины. Это прототип всех моек. Я бы хотела мыть в ней свои стаканы. Ее можно поставить напротив дома, во дворе под деревьями, в ней можно хранить лед и бутылки вина для гостей, в ней можно мыться после работы в саду. Когда-то в ней отмывали грязные горшки; теперь же ей предстоит почетная роль; в ней будут наполнять стаканы и будет стоять кувшин с розами. После многолетнего погребения в земле она займет достойное место на нашем участке.

В яме, откуда мы извлекли каменную мойку, я вижу два ржавых крюка. Под ними тоже виднеется плоский камень. В самом центре камня – щеколда с намотанной на кольцо ржавой проволокой. Это круглая крышка. Эд вставляет лопату в щель и поднимает каменную крышку, закрытую давным-давно.

Сейчас, в конце дня, землю освещает удивительный золотой свет, его мне всегда хочется сохранить, запечатав в бутылку. Мы поднимаем крышку и в падающем сверху луче света видим чистую воду в широкой расселине природного белого камня. Мы видим и другую, волнообразную вмятину на поверхности камня, в которой вода превращается в Воду с большой буквы. Мы плашмя ложимся на землю, по очереди засовывая голову и фонарь в круглое отверстие. Вниз по каменной стенке в поисках влаги сползают корни фигового дерева. На дне лежит на боку

большая банка, на ней легко прочитываются увеличенные за счет преломления воды зеленые буквы *Olio d'Oliva* – оливковое масло. Мы обнаружили, конечно, не римский торс и не амфору с изображением танцующих сатиров, но... Ржавая труба воткнута сзади в каменную крышку, и выходит она как раз под двумя крюками – кто-то заткнул ее винной пробкой. Теперь становится понятно, что на этих крюках когда-то закрепляли ручной насос и что это и есть потерянный природный ручей. Интересно, как давно он прячется тут от людских глаз? Но что это? Прямо под каменным перекрытием, похоже, есть другое отверстие. Оно как будто отгорожено резными перемычками из белого известняка, потом они исчезают в скале. Может быть, если скрыть верх, получится открытый пруд? Я читала, что один человек недалеко отсюда пошел к себе в огород нарвать салата к обеду и наткнулся на этрусскую гробницу с резным саркофагом. Или это просто расселина в скале, откуда брали воду для сельскохозяйственных нужд? Тогда почему тут резьба? И почему она покрыта сверху простым камнем? Это отверстие, наверное, пришлось закрыть, когда поблизости копали второй колодец. Теперь у нас аж три колодца. Мы последнее поколение искателей водоносного слоя, наша технология – бурильные установки, способные пробить любую скалу, – далеко ушла от техники открывателей этого секретного отверстия в земле.

Мы зовем синьора Мартини – показать ему нашу находку. Он стоит, засунув руки в карманы, и даже не наклоняется. «Ба, – говорит он («ба» – слово универсальное, вроде возгласов «ну», «о», «кто знает?») или проявления пренебрежения), потом добавляет: – Ну да, вода». Для него наше увлечение заброшенными домами и древними колодцами – еще одно подтверждение того, что мы как дети и надо потворствовать нашим капризам. Мы показываем ему каменную мойку и объясняем, что отчистим ее и будем ею пользоваться. Он только качает головой.

Джузеппе тоже пришел, и он вдохновлен гораздо больше. Ему самое место в актерской труппе Шекспира. Каждое слово он сопровождает тремя-четырьмя жестами, причем в разговоре участвует все его тело. Он буквально встает на голову, заглядывая в дыру. «Много воды». Он указывает в обе стороны. Мы думали, что колодец открыт только в одну сторону, но Джузеппе, свесившись вниз, видит, что природный уклон скалы простирается и в другую. «Да, отлично!» Это единственные известные ему английские слова, и он всегда произносит их, широко разводя руками, как бы показывая объем. Джузеппе хочет установить новый ручной насос для полива сада. Мы уже видели ярко-зеленые насосы в хозяйственном магазине в фермерском регионе – долине ди Кьяна. На следующий день мы покупаем насос, вынимаем из ржавой трубы винную пробку и помещаем насос на старые крюки. Джузеппе учит нас перед пуском заполнять насос путем ритмического качания ручки. Я этого никогда не делала, но скрипучее плавное движение выходит вполне естественно. После нескольких сухих всхлипов в ведро плещет ледяная свежая вода. У нас хватает ума не пить непроверенную воду. Вместо этого мы открываем на террасе бутылку вина. Джузеппе хочет послушать о Майами и Лас-Вегасе. Мы смотрим на зеленые холмы. Джузеппе считает, что нам надо всерьез подумать об уходе за пальмами. Как мы собираемся их обрезать? Они выше любой лестницы. После второго стакана Джузеппе забирается на верхушку той, что повыше. Такой широкой ухмылки, как у него, я никогда не видела. Дерево наклоняется, и Джузеппе быстро соскальзывает и мешком валится на землю. Эд открывает следующую бутылку.

Прежний владелец оказался прав насчет воды. Пусть наша система водоснабжения не может поспорить с системой водообеспечения садов виллы д'Эсте, но она достаточно хорошо продумана, так что нам приходится исследовать свой участок много дней. Теперь мы стали понимать, насколько драгоценна вода в этой стране. Когда вода есть, надо думать, как ее сохранить; когда ее много, как сейчас, ее надо уважать. Святой Франциск Ассизский, должно быть, это знал. В «Песни творениям» он писал: «Будь хвалим, о Господь, за сестру Воду, которая так

полезна, скромна, драгоценна и чиста душой». Мы немедленно начали экономить воду: сократили время приема душа, научились не лить воду попусту при мытье посуды и чистке зубов.

Интересно, что в этом самом старом колодце есть каналы с двух сторон, чтобы отводить воду в случае перелива, так что избыток воды стекает в цистерну. Когда мы убрали землю вокруг цистерны, то обнаружили две каменные ванны для стирки одежды и над ними в каменной стене – еще крючки; значит, там подвешивали еще один насос, чтобы не потерять ни капли воды. И теперь, не дальше полутора метров от природного колодца, наш старый, который высох прошлым летом, заполнился до краев благодаря зимним дождям. И Эд решил: ручной насос мы будем использовать для полива растений в горшках, старый колодец – для полива травы, а для домашних нужд – наш новый колодец глубиной сто метров, пробуренный в скале.

– Прекрасная вода, – заверил нас бурильщик, получая целое состояние за свою работу. – До самого ада доходит, но холодная как лед.

Мы пересчитываем наличные. Он не хочет чека. Зачем пользоваться чеком? Только если у тебя нет нормальных денег!

– Вода, вода, – говоря это, он обводит рукой наш участок. – Воды достаточно для постройки бассейна.

Когда мы покупали дом, мы не представляли, что надо будет ремонтировать каменную стенку, построенную перпендикулярно к фасаду дома. Она местами обвалилась. А на рухнувших камнях пустили корни сорняки, сумах и даже выросло фиговое дерево. Когда мы в первый раз осматривали дом, двор над этой стеной был частично скрыт крытой аллеей, увитой розами, вдоль аллеи росла сирень. Когда мы вернулись для заключения сделки, крытой аллеи уже не было, ее уничтожили в ажиотаже очистки территории. Розы и сирень сровняли с землей. Когда я отвела взгляд от этого разгрома и взглянула на дом, я увидела, что выцветшие зеленые ставни стали темно-коричневыми. Мы были так поражены, что не заметили кучи камней. И только позже поняли, что нам предстоит восстанавливать эту стенку длиной почти в сорок метров. Естественно, мы сразу забыли о романтической крытой аллее с вьющимися розами.

В те несколько недель, которые мы провели здесь прошлым летом после покупки дома, Эд начал разбирать части стены, смежные с разрушенными участками. Ему доставляла удовольствие работа с камнем: надо найти тот самый камень, который ляжет на свое место, сделать отметки на поверхности камней, ударить их так, чтобы точно выдержать линию раскола. Древнее мастерство привлекательно, как и добрый тяжелый физический труд. С каждым днем, к моему беспокойству, гора камней росла. Попутно росли и мышцы Эда. Он стал просто одержим этой работой. Он купил толстые кожаные рукавицы. Большие камни он раскладывал по одной линии, камни поменьше – по другой, а плоские – отдельно. Эта стена, как и стены на других террасах Брамасоля, была сложена всухую и имела толщину почти в метр: спереди лежали идеально подогнанные камни – аккуратные, будто обработанные ножовкой, позади камни поменьше. Стена немного наклонена назад, чтобы скомпенсировать естественный уклон холма. В противоположность очаровательным каменным заборам Новой Англии, возведение которых позволило очистить поля от камней, наши по своей сути конструктивны: только благодаря укрепленным террасам на таком, как у нас, склоне холма можно выращивать оливковые деревья и виноградник. На одной из террас, где упали камни, упало и большое миндальное дерево.

К нашему отъезду около десяти метров стены было разобрано. Эд с энтузиазмом трудился над каменной кладкой, хотя его немного пугали земляные работы и поразительная толщина стенки. Но мы не сознавали реального масштаба работ, мы видели только камни, которые Эд сложил штабелями.

Всю зиму мы штудировали «Постройки из камня» Чарльза Мак-Рейвена и поневоле начали задумываться о герметизации для защиты от влаги, о закладке фундамента, о проблеме

линий промерзания. Оставшийся кусок стены был не той высоты, какая потребуется при восстановлении, чтобы поддерживать широкую террасу, ведущую к дому. Мало того что стена должна иметь четко определенную длину и высоту, сзади должны быть контрфорсы. Когда мы читали про уплотненную засыпку, осевую нагрузку, равновесие и виды сдвигов земли при ее замерзании, нам казалось, что предстоит построить Великую Китайскую стену.

Мы были абсолютно правы. К нам как раз пришли несколько опытных каменщиков осмотреть остатки стены. Громадная работа, «обрадовали» они нас. Ремонт самого дома – чепуха по сравнению с этим объектом. Но все же Эд набивается в подмастерья к жилистому мужику в кепке, маэстро каменной кладки. «Святая Мадонна, много работы!» – поочередно восклицают все каменщики. Много. Слишком много. Мы узнали, что в Кортоне недавно принят кодекс, регламентирующий возведение таких стен, как наша, потому что мы в сейсмически опасной зоне. Потребуется железобетон. Мы не готовы смешивать цемент. Нас ожидает сражение с зарослями ежевики и сумаха, да и деревья надо подрезать. Смета на восстановление стены астрономическая. И браться за это дело согласны немногие.

Вот так в Тоскане мы строим Великую Польскую стену.

Синьор Мартини присылает парочку своих друзей. Я его предупреждаю, что мы заинтересованы в быстром выполнении работы и просим назначить цену как для своих братьев, а не как для иностранцев. Мы только еще приходим в себя после затрат на новый колодец и до сих пор ждем разрешений на проведение главных работ – в доме. Первый друг синьора Мартини называет срок: два месяца. За назначенную им цену мы могли бы купить небольшой пароход и покататься вдоль побережья Греции. Второй друг, Альфьери, называет на удивление приемлемую цену, вдобавок у него возникает потрясающая идея: нужна еще одна стена, огораживающая ряд лип на смежной террасе. Когда не можешь хорошо говорить на языке аборигенов, теряешь многие навыки оценивать людей. Мы оба решаем, что он с придурью, но Мартини объясняет, что он – *bravo* – бандит. Мы хотим, чтобы работы были выполнены, пока мы здесь, поэтому подписываем контракт. Наш землемер Альфьери не знает и предупреждает нас, что, если он в это время года свободен, не занят работой, значит, он плохой специалист. Доводы такого рода нас не убеждают.

Согласно графику, работы должны начаться в следующий понедельник. Прошел понедельник, затем вторник и среда. Потом прибывает партия песка. Наконец, в конце недели, Альфьери является с подростком лет четырнадцати и тремя рослыми поляками. Они принимаются за работу, и к заходу солнца – просто поразительно! – длинная стена пала. Мы наблюдаем за поляками целый день. Они поднимают камни по сто фунтов как дыни. Альфьери совершенно не знает польского, они знают пять итальянских слов. К счастью, язык физического труда легко понятен всем. «Давай-давай», – Альфьери машет рукой в сторону камней, и поляки берутся за них. На следующий день они копают землю. Альфьери исчезает, видимо отправился на другие объекты. Мальчик по имени Алессандро только надувает губы. Альфьери, его приемный отец, очевидно, пытается обучить парнишку ремеслу. Мальчик ведет себя как маленький принц из рода Медичи; с раздражительным и скучающим видом он апатично пинает камни носком теннисной туфли. Поляки его не замечают. С семи утра до двенадцати они безостановочно работают. В полдень отбывают в своем польском «Фиате» и возвращаются в три, после чего трудятся еще пять часов.

Итальянцы, которые бывали гастарбайтерами в разные времена и во многих странах, удивляются тому, что происходит в их собственной стране. Второе лето нашего пребывания в Брамасоле газеты то сдержанно, то негодуяще пишут об албанцах, буквально наводнивших побережье Южной Италии. Нас, жителей Сан-Франциско – города, куда ежедневно прибывают иммигранты, не могут не волновать их проблемы. Американцы-горожане уже поняли, что иммигрантов становится все больше, что в последние годы двадцатого века демографический ковер ткется во вселенских масштабах. Европе труднее примириться с этим фактом. У нас есть

свои бедняки, говорят они нам недоверчиво. Да, отвечаем мы, и у нас они есть. Италия пока довольно однородна; в Тоскане редко увидишь черное или азиатское лицо. Недавно люди из Восточной Европы, обнаружив, что немецкий рынок рабочей силы заполнен такими, как они, начали прибывать в эту благополучную часть Северной Италии. Теперь мы поняли, почему Альфьери запросил с нас гораздо меньше. Итальянцам ему пришлось бы платить от двадцати пяти до тридцати тысяч лир в час, а полякам он может заплатить девять тысяч. Он заверяет нас, что эти рабочие находятся тут легально и застрахованы. Поляки довольны почасовой оплатой; у себя дома, до закрытия их завода, они едва ли зарабатывали столько в день.

Эд вырос в Миннесоте, в польско-американской католической общине. Его родители – потомки польских иммигрантов – жили в польскоговорящей среде на фермах, на границе штатов Висконсин и Миннесота. Но Эд не знает польского языка. Его родители хотели, чтобы их дети выросли стопроцентными американцами. Поляки не поняли тех трех слов, которыми он пытался пообщаться с ними. Но эти люди, язык которых он не понимает, все равно кажутся знакомыми. Он привык к фамилиям типа Оржеховский, Чикош, Боржисовский. Встречаясь с ними во дворе, мы киваем друг другу и обмениваемся улыбками. Наконец мы находим с ними общий язык – язык поэзии. Однажды я нашла поэму Чеслава Милоша, давно жившего в Америке в изгнании, но поэта по сути своей польского. Я знала, что несколько лет назад он с триумфом вернулся на родину. Когда Станислав вез тачку по главной террасе, я спросила его: «Чеслав Милош?» Он просиял и что-то закричал двум своим приятелям. После этого пару дней, когда я проходила мимо кого-нибудь из поляков, тот приветствовал меня словами «Чеслав Милош», а я отвечала: «Да, Чеслав Милош». Я знала, что правильно произношу это имя, потому что уже тренировалась, когда надо было рассказывать о Милоше студентам. А раньше я несколько дней про себя называла его Коулславом и беспокоилась, как бы не ляпнуть это перед аудиторией.

С Альфьери у нас возникла проблема. Он порхает бабочкой с одного объекта на другой, начав что-то, делает работу кое-как, потом бросает ее. Несколько дней он вообще не показывался. Поскольку на мои обоснованные претензии он не отреагировал, я обращаюсь к старому южному обычаю – закатываю истерику (оказывается, я еще не утратила этот навык). Некоторое время Альфьери сосредоточенно слушал мои претензии, потом его внимание рассеивалось, как у капризного ребенка, впрочем, он такой и есть. Он пускает в ход свое обаяние: игриво описывает лягушачьи бега, рассказывает о скоростных мотоциклах «гуцци», о винах. Похлопывая себя по животу, он говорит на местном диалекте, и ни один из нас не понимает многих его слов. Я зову Мартини. Мартини кивает, втайне наслаждаясь происходящим. Альфьери выглядит смущенным, поляки сохраняют бесстрастное выражение лица, а Эд подавлен. Я говорю, что я недовольна. Я размахиваю руками и топаю ногой. Он положил ряд мелких камней под ряд крупных! В сооружении должна быть вертикаль! Он не поставил фундамент под стену! Его цемент в основном состоит из песка! Мартини начинает кричать, Альфьери в ответ кричит на него, но на меня повышать голос не осмеливается. Я опять слышу слова «свинячья Мадонна», это серьезное ругательство, и еще – «свинячья бедность». После сцены, которую я закатила, я ожидала, что Альфьери будет угрюмым, но нет, на следующий же день он снова весел – все забыто.

– Снимай! Уноси! – Синьор Мартини пинает сделанный Альфьери участок стены. – Куда твоя мать посылала тебя учиться? Тебя что, учили делать не бетон, а песочный замок?

Потом они оба поворачиваются и кричат на поляков. Мартини то и дело врывается в дом и звонит матери Альфьери, своему старому другу, и мы слышим: он кричит на нее, потом ее утешает.

Они, наверное, думают, что мы с Эдом блестяще разбираемся в науке возведения стен. Но на самом деле это поляки дают нам понять, когда что-то не так. «Синьора, – говорит Кшиштоф (Кристофер, как он просил его называть), подходя ко мне, – итальянский цемент. – И крошит

пальцами слишком сухой цемент. – Польский цемент. – И пинает твердую, как скала, часть оставшейся стены. В этом я слышу что-то националистическое. – Альфьери. Мало цемента». – И прикладывает палец к губам.

Я ему благодарна. Он хочет сказать: Альфьери кладет слишком мало цемента в бетонную смесь. Не говорите ему.

Поляки закатывают глаза, подавая нам сигнал, или, после того как Альфьери отбывает с объекта – обычно довольно рано, – объясняют нам, в чем проблема. Плохо получается все, что делает лично Альфьери, но нас с ним связывает контракт, а они работают на него по найму. Однако, если бы не он, мы не познакомились бы с поляками.

Возле верха стены они обнаруживают вросший в землю обрубок бревна. Альфьери заявляет, что это ерунда. Мы видим, что Риккардо быстро покачал головой, и Эд авторитетно заявляет, что обрубок надо выкопать. Альфьери уступает, но хочет залить его бензином и сжечь. Мы напоминаем ему, что совсем рядом наш новый колодец. Поляки начинают копать, проходит два часа – они все еще не закончили. Под раскопанным обрубком обнажается громадный, как мамонт, трехлапый корень, он обмотался вокруг камня размером с автомобильную шину, и от него во всех направлениях расходятся сотни разветвленных корешков. Вот почему первым упал этот участок стены. Когда поляки наконец извлекают камень, они настаивают, что надо срезать с корня все отростки. Его загружают в тачку и отвозят к липовой беседке, там он и останется как самый безобразный стол в Тоскане.

Поднимая камень, поляки поют, и кажется, так и должна выполняться работа во всем мире. Иногда Кристофер поет фальцетом, его песня звучит трогательно, особенно когда ее исполняет такой крупный загорелый мужчина. Они никогда не экономят время на мелочах, несмотря на то что их начальник постоянно отсутствует. В те дни, когда у них кончается строительный материал, потому что Альфьери вовремя не подтвердил заказ, он для своей выгоды советует им не работать. Тогда мы нанимаем их помочь нам очищать террасы от сорняков. Наконец мы находим им занятие – ошкуривать изнутри все ставни. Похоже, они умеют делать все и работают вдвое быстрее, чем все, кого я встречала прежде. В конце дня они моются под шлангом, надевают чистую одежду, и мы пьем пиво.

Дон Фабио, местный священник, пустил поляков пожить в задней комнате церкви. За пять долларов с человека он кормит всех троих трижды в день. Они работают шесть дней в неделю – священник не разрешает им работать по воскресеньям, – обменивают все полученные лиры на доллары и копят их, чтобы отвезти домой женам и детям. Риккардо двадцать семь лет, Кристоферу тридцать, Станиславу сорок. За то время, что они у нас работают, наш итальянский язык стал значительно хуже. Станислав работал в Испании, так что мы общаемся на ужасной смеси четырех языков. Мы выучиваем польские словечки: *jutro* – «завтра», *stopa* – «нога», *brudny* – «грязный», *jezioro* – «озеро». И какое-то слово, звучащее как *grubbia*, им они называют покатым животом синьора Мартини. А поляки выучили слова «прекрасный» и «идиот» и несколько итальянских слов, в основном инфинитивы глаголов.

Вопреки участию Альфьери, стена получается крепкой и красивой. Первые две террасы соединяет изогнутый лестничный пролет, по обе стороны сверху сделаны плоские площадки для горшков с цветами. Вокруг колодца и цистерны воздвигнуты каменные стенки, которые снизу кажутся массивными. Нам трудно привыкнуть к этим стенкам, ведь мы любили их и в виде руин. Из трещин в этих стенках скоро прорастут крошечные растения. Камень, из которого сложены стенки, старинный, он уже вписался в пейзаж и смотрится естественно, правда, стенки высоковаты. Теперь нам надо продумать пешеходную дорожку: она будет отходить от подъездной дороги и идти вокруг колодца к каменным ступеням. Еще надо решить, какие цветы и травы посадить вдоль стены. Сначала это будет белая китайская роза, у нее есть большое достоинство – она сразу начнет цвести.

В воскресное утро поляки прибывают после заутрени, они в выглаженных рубашках и брюках. До сих пор мы видели их только в шортах. В местном супермаркете они купили себе одинаковые сандалии. Они приходят в тот момент, когда мы с Эдом выдергиваем сорняки. Роли переменились: теперь мы в шортах, грязные и потные. У Станислава в руках фотокамера советского производства, по виду – тридцатых годов. Мы пьем кока-колу, и они делают несколько снимков. Каждый раз, как мы угощаем их кока-колой, они говорят: «Да-а-а, Америка!» Прежде чем переодеться для работы, они подводят нас к стене и разбрасывают землю на нескольких метрах вдоль фундамента. Крупными буквами на бетоне выведено слово «ПОЛЬША».

Лестница дома в Брамасоле поднимается на три этажа, у нее перила из кованого железа ручной работы, она симметрично изогнута. Решетка окна над входной дверью, слегка заржавевшие перила террасы, на которую выходит спальня, и перила балкона, нависающего над входной дверью, – над всем этим нужно поколдовать кузнецу, чтобы придать изделиям из железа приличествующий вид. Ворота перед подъездной дорогой когда-то были величественными, но, как и многое другое тут, слишком долго были оставлены без внимания. Внизу они сильно прогнулись: заблудившиеся туристы, развернувшись спиной, били в ворота пятками, пока наконец не понимали, что отклонились в сторону по дороге к крепости Медичи. Замок давно заржавел, петли с одной стороны оторвались, так что ворота толком не держатся.

Джузеппе привел друга-кузнеца посмотреть, нельзя ли спасти наши парадные ворота. По мнению Джузеппе, нам необходимо что-то более презентабельное для такой «прекрасной виллы». Человек, который выбирается, долго разворачивая свое длинное тело из «пятисотки» Джузеппе, мог бы спокойно оказаться ремесленником периода Средневековья. Он высокий и тощий, как Авраам Линкольн; у него тусклые черные волосы, и одет он в черную спецовку. Трудно объяснить причину, но он кажется человеком совсем из другого времени. Он мало говорит, только скромно улыбается. Мне он сразу понравился. Молча он ощупывает ворота сверху донизу. Все, что он хочет сказать, видно по его рукам. Сразу понятно, что он посвятил свою жизнь любимому делу. Да, кивает он, эти ворота можно починить. Вопрос времени. Джузеппе разочарован. Ему представляется на этом месте нечто более изысканное. Он рисует в воздухе руками то, что хотел бы видеть: арочный верх со стрелами. Нужны новые ворота с освещением и электронным устройством, чтобы к нам могли звонить в дом, а мы могли открыть ворота одним нажатием кнопки. Он привел к нам такого художника, так неужели мы ограничимся простой починкой старых ворот?

Мы едем в мастерскую кузнеца, чтобы оценить его возможности. По пути Джузеппе заезжает на обочину дороги, и мы выпрыгиваем – посмотреть другие ворота, которые делал этот мастер. Некоторые – с изображением стилизованных мечей, некоторые – со сложным переплетением кругов и колосьев пшеницы. На одних сверху инициалы владельца, на других, как ни странно, корона. Нам больше понравились изогнутый верх, кольца и ободья, а не те грозные со стрелами наверху, которые как будто остались с того времени, когда гвельфы и гибеллины грабили и жгли друг друга. Все это явно сделано на века. Каждые ворота кузнец поглаживает, не говоря ни слова, справедливо полагая, что его работа говорит сама за себя. Я уже воображаю себе в центре наших ворот небольшое солнце с витыми лучами.

Тоскана издревле славилась мастерами кузнечного дела. В каждом городе есть сложные замки на средневековых дверях, фонари, древки для штандартов, садовые ворота, даже причудливые железные животные или змеи в форме кольца для привязывания коней к стенам. Как и другие ремесла, это быстро приходит в упадок, и причину легко понять. Ключевое слово в искусствековки – «черный». Мастерская кузнеца закопчена, сам он покрыт сажей, его орудия труда и кузнечный горн как будто почти не изменились с тех пор, как Гефест зажег огонь в печи Афродиты. Даже в воздухе, кажется, висит, не оседая, черная пыль. Он сделал ворота

всем своим соседям. Должно быть, чувствуешь удовлетворение, видя вокруг результаты своих трудов. В его собственном доме – квадратный узорчатый балкон, это, несомненно, дань уважения модерну, а в качестве компенсации к балкону прикреплены корзины для цветов. Фасад мастерской обращен в сторону жилого дома, и в пространстве между ними бегают куры, стоит около десятка клеток с кроликами, разбит огород, к сливовому дереву, отягощенному плодами, прислонена самодельная деревянная лестница. После ужина он, наверное, вскарабкается на несколько ступенек и соберет тарелку слив себе на десерт. Мое впечатление о том, что этот человек – не из нашего времени, крепнет. Где же Афродита? Наверняка где-нибудь поблизости от его горна.

– Время, время. Все упирается в вопрос времени, – говорит он. – Я работаю один. У меня есть сын, но...

Я не могу себе представить, как в конце двадцатого века кто-то предпочтет работу в этой темной кузнице и станет трудиться над изготовлением обручей для винных бочек, железных подставок для дров у камина, заборов и ворот. Но я надеюсь, что этим займется или его сын, или кто-нибудь другой. Кузнец приносит стержень с квадратной головой волка на конце и молча протягивает его мне. Он напоминает мне держателей факелов в Сиене. Мы спрашиваем, сколько будет стоить ремонт ворот, а также просим составить смету на новые ворота, довольно простые, но в стиле железной решетки на лестнице в нашем доме. Не помешает и изображение солнца – для соответствия названию дома. Впервые мы не спрашиваем о сроках, хотя это единственное, на чем мы научились настаивать, поскольку для всех итальянцев время бесконечно.

А если подумать, нужны ли нам ворота ручнойковки? Мы постоянно твердим: пусть будет попроще, это не дом. Но в глубине души я понимаю, что мы хотим именно такие, какие делает он, пусть даже на это потребуются несколько месяцев. Мы еще не успели уйти, а он уже забыл про нас. Он подбирает два куска железа, взвешивает их на глаз в руках. Он бродит между наковальней и горячими колосниками печи. Ворота будут в хороших руках. Я уже слышу их лязг в тот момент, когда закрываю их за собой.

Мы считаем, что колодец и стена – наши большие достижения. Но ведь к дому мы еще не приступали. Пока не закончены главные работы, нам там делать практически нечего. Нет смысла расписывать стены, когда их предстоит пробивать, чтобы проложить трубы системы отопления. Поляки готовят к покраске окна. Эд и я работаем на террасах или ездим по магазинам, выбирая кафель для ванных, арматуру, крепеж, краску; еще мы ищем старые тонкие кирпичи для пола в новой кухне. Однажды мы купили в местном мебельном магазине два кресла. Когда их доставили, мы поняли, что они безобразны и что их обивка цвета дикой петрушки просто чудовищна. Но они оказались невероятно удобными по сравнению с садовыми стульями, на которых мы уже устали постоянно сидеть навтыжку. Вечерами мы подвигаем кресла друг против друга, а между ними – покрытый тканью ящик, это наш обеденный стол. На него я ставлю свечу и полевые цветы в банке из-под варенья, за ним мы пируем, поглощая пасту с кабачками, помидорами и базиликом. В прохладные ночи мы ненадолго разводим костер из сучьев, просто чтобы избавиться от сырости в комнате.

Нынешний июль, в отличие от прошлогоднего, выдался дождливым. Часто гремят внушительные бури. Днем я вспоминаю свое детство на Юге и испытываю трепет: там-то природа умела по-настоящему продемонстрировать и звук, и свет. В Сан-Франциско бури – большая редкость, я по ним скучаю. Помню, моя мать говорила: «Эта жара должна чем-то закончиться», и она кончалась невероятно громкими раскатами грома, а после них – ослепительными молниями, когда все небо вспыхивает зарницами в миллион киловатт. Здесь часто бури разражаются ночью. Я сижу в постели, рисуя на миллиметровке планы кухни и спальни: Эд погружен в чтение. Раньше я не представляла, что могу увидеть такое у него в руках: вместо стихов римских поэтов он изучает «Технологию штукатурных работ». Рядом лежит книга «Водоснабже-

ние дома». По пальмам начинает стучать дождь. Я подхожу к окну, высовываюсь, но тут же отступаю. Удары грома оглушают, в землю вокруг дома бьют молнии – белые зигзаги, как на карикатурах, – по четыре, пять, шесть сразу. Грозовой фронт собрался над холмами, и стоит такой грохот, как будто что-то взрывается. Мне даже кажется, что трещит мой позвоночник. Дом несколько раз тряхнуло, а это уже серьезно. Гаснет свет. Мы плотно закрываем окна, но дождевая влага просачивается через незаметные глазу трещины в стенах. В камине, как привидение, завывает ветер. Ужасная ночь. Дождь хлещет по стенам дома, и две беззащитные пальмы гнутся под его ударами. Запахло озоном. Я уверена, что молния ударит в дом. Буря нарочно выбрала Брамасоль. Нам не убежать, не спастись; мы – в эпицентре, нас может смыть вниз, в Тразименское озеро. «Что бы ты предпочел, – спрашиваю я, – оползень или прямое попадание молнии?» Мы залезаем под одеяла и, как десятилетние дети, кричим каждой вспышке молнии «Постой!» и «Не надо!». От грома сотрясаются стены, и камни в них смещаются.

Но вот буря отходит к северу, в черном промытом небе появляются звезды. Эд открывает окно, и комнату заполняет запах сосны – от поломанных ветром веток и осыпавшихся иголок. Электричества все еще нет. Мы полулежим на подушках, ожидая, когда схлынет волнение, и вдруг слышим возле окна какой-то шум. На подоконник приземлилась небольшая сова. Она вертит головой по сторонам. Наверное, буря повалила дерево, в дупле которого было ее гнездо, или она просто потеряла ориентацию. Когда свет луны пробивается сквозь пелену облаков, мы видим, что сова не мигая смотрит в глубь комнаты, на нас. Мы не шевелимся. Я молюсь: «Пожалуйста, только не влетай в дом». Я смертельно боюсь птиц, этот атавистический страх у меня с детства, и все же она очаровательна – эта сова. Совы относятся к тотемным животным, а тут, в Италии, они вдобавок овеяны мифами. Я вспоминаю о сове Минервы. Наша же сова живет рядом, на холме. По вечерам мы несколько раз видели ее более крупных соплеменников. Мы молчим. Она все сидит, и мы в конце концов засыпаем, а когда просыпаемся утром, то видим: она улетела. Еще только без четверти шесть, но за окном светло – воздух в долине чуть подсвечен краешком восходящего солнца. Скоро оно зальет золотом холмы, и наступит ясный, безгрешный день.

Заросший фруктовый сад

В течение дня мы непременно делаем перерыв и лакомимся арбузом. Может, кто не согласен, но я считаю, что арбуз – самая вкусная вещь на свете, и надо признать, что тосканские арбузы могут соперничать с нашими, сорта «сахарное дитя», которые мы в детстве собирали на полях Южной Джорджии. Я так и не научилась определять по щелчку, спелый арбуз или нет. Но тут, какой бы я ни разрезала, хрустит на зубах, сладкий до невозможности. Мы угощаем арбузами рабочих, они съедают и белую его часть возле корки, оставляя после трапезы влажные зеленые полоски кожуры. Когда я сижу на каменной стене, лицом к солнцу, держа в руках огромный ломоть арбуза, – мне снова семь лет и я предвкушаю, как сейчас буду выбирать семечки пальцами.

Вдруг я замечаю, как ходуном ходят пять кедровых сосен, растущих вдоль подъездного пути. По звуку похоже, будто белки разрывают на части липучку или вгрызаются в *panini* – жесткие итальянские круглые булки. Какой-то человек выскакивает из своего автомобиля, подбирает три шишки и спешит прочь. Потом прибывает синьор Мартини. Я жду от него новостей: может, кто-нибудь готов вспахать наши террасы. Он подбирает шишку и стучит ею о стену. Из нее сыплются черные семечки. Он разбивает одно камнем, поднимает вверх покрытое шелухой ядрышко и объявляет: «Кедровый орешек». Потом указывает на шишки, рассыпанные по всему подъездному пути. «Для бабушкиного пирога», – уточняет он на случай, если я не поняла, зачем они нужны. И я думаю: это еще лучше, чем делать приправу из базилика, он у меня невероятно разросся, а ведь я воткнула в землю всего шесть ростков. Я люблю кедровые орешки в салатах. Кедровые орешки! А я их беззастенчиво давила ногами.

Конечно, я знала, что кедровые орешки – это семена кедровой сосны. На участке я обследовала все деревья, проверяя, не прячутся ли в их шишках орешки. Я бы их нашла. Но деревья на подъездной дороге в расчет не принимала. Это те самые живописные кедровые сосны, иногда чахлые из-за постоянных ветров, которыми засажены многие прибрежные средиземноморские города. Среди таких сосен бродил в своем изгнании, в Равенне, Данте. Кедровые сосны, растущие вдоль нашего подъездного пути, – высокие и пушистые. Только представьте себе, что простая *pino domestico* – сосна домашняя (я нашла название в своей книге о деревьях) дает эти маслянистые орешки, такие восхитительные в поджаренном виде. Должно быть, в Брама-соле жила одна из тех бабушек, которые пекут умопомрачительно вкусные, но тяжелые *pinolo* – ореховые пироги. Наверняка она готовила восхитительные равиоли с начинкой из тертого фундука и миндальное печенье, потому что у нас растут еще двадцать миндальных деревьев и лесной орех. У фундука вокруг плода желтовато-зеленый рюш, как будто каждый плод готов быть вдетым в петлицу. Миндальные орехи упакованы в нежный зеленый бархат. Даже дерево на террасе, которое сломалось и, скорее всего, погибло, рассыпает свой обильный урожай.

Синьор Мартини сейчас, вероятно, должен сидеть в своем офисе и предлагать новым клиентам-иностранцам дома без крыши или без воды, но он вместе со мной собирает кедровые орешки. Как и у большинства итальянцев, с которыми я познакомилась, у него всегда найдется свободное время. Мне нравится это его качество – увлекаться текущим моментом. От темно-коричневой шкурки орешков руки у нас быстро чернеют.

– Откуда вы столько знаете – вы родились в этой стране? – спрашиваю я. – Или сегодня единственный день, когда падают шишки?

Он раньше говорил мне, что фундук созревает 22 августа, это день празднования иностранного святого – Филберта.

Синьор Мартини рассказывает, что вырос в Теверине и жил там до войны. Мне хочется узнать, не был ли он партизаном или же был преданным приверженцем Муссолини, но я интересуюсь только, затронула ли война Кортону. Он указывает на крепость Медичи.

– Немцы устроили в форте центр радиокommunikаций. Некоторые офицеры, квартировавшие в фермерских домах, после войны вернулись и хотели их выкупить. Так и не поняли, почему крестьяне не согласились, – смеется он.

Мы отбили о стену штук двадцать шишек.

Я не спрашиваю, был ли оккупирован нацистами его дом.

– А что партизаны?

– Они были повсюду. – Синьор Мартини широко разводит руками. – Даже тринадцатилетних мальчиков убивали, когда они собирали клубнику или пасли овец. И везде были мины. – И замолкает. Потом резко меняет тему, говорит, что несколько лет назад умерла его мать, в возрасте девяноста трех лет. – Так что больше нет бабушкиного пирога. – У него сегодня невеселое настроение.

После того как я камнем расплющила несколько орехов вместе с ядрами, он показывает мне, как это делается, чтобы орех оставался целым. Я рассказываю ему, что мой отец умер, мать жива, но перенесла удар. Он говорит, что теперь стал одиноким. Я не рискую задавать вопросы о жене, детях. Я знакома с ним два лета, и сегодня впервые мы разговариваем о личном. Мы собираем орешки в бумажный мешок, и, уходя, он говорит: «Ciao». Это значит «пока». Что бы нам ни внушали на уроках итальянского языка, взрослые в сельской местности Тосканы этим словом не бросаются. Расставаясь, здесь обычно произносят *arrivederla* – «прощай» или *arrivederci* – «прощайте». Значит, в наших отношениях произошел небольшой сдвиг.

За полчаса лущения кедровых орешков у меня набралось почти четыре столовые ложки. Мои руки черные и липкие. Неудивительно, что в Америке эти орешки так дорого стоят. Мне пришло на ум испечь какой-нибудь из распространенных здесь бабушкиных пирогов, которыми, как мне порой кажется, начинаются и кончаются итальянские десерты. Десерты по-французски или по-американски в здешней кухне просто неуместны. Я убеждена, что человеку надо вырасти на итальянских десертах, чтобы они доставляли ему удовольствие; на мой вкус, их пирожные и пироги суховаты. Это в основном бабушкин пирог, фруктовые торты, иногда тирамису (итальянцы делают его из кусков бисквита, пропитанного кофе и ликером, прослоенных сливочным сырком и шоколадом, и я его ненавижу), – пожалуй, и все, за исключением изысков дорогих ресторанов. В большинстве лавок выпечных изделий и во многих барах подают этот бабушкин пирог. Кому-то он может понравиться, но иногда мне кажется, они кладут в эти пироги штукатурку. Неудивительно, что итальянцы на десерт заказывают фрукты. Даже в мороженом нельзя быть уверенной. Многие производители забывают указать, что иногда оно изготовлено из порошка. Но уж если вам попадется настоящее мороженое из персика или клубники, оно незабываемо. К счастью, под конец летнего обеда и фрукт, выдержанный в чаше с холодной водой, покажется совершенством, особенно вместе с *rescigno* – овечьим сыром, горгонзолой или пармезаном.

Я выписала один рецепт бабушкиного пирога из поваренной книги. А вообще существуют сотни вариантов. Мне нравится пирог с полентой, начинка в нем проложена тонким слоем в середине. Мне не жаль потратить лишний час и раздавить кедровые орешки, хотя дома я вытащила бы из холодильника готовые. Вначале я делаю густой сладкий крем из двух яичных желтков, $\frac{1}{3}$ стакана муки, 2 стаканов молока и $\frac{1}{2}$ стакана сахара. Получается многовато, и часть крема я откладываю в миску. Пока крем остывает, я занимаюсь тестом. Для теста требуется $1\frac{1}{2}$ стакана кукурузной муки, $1\frac{1}{2}$ стакана муки, $\frac{1}{3}$ стакана сахара, $1\frac{1}{2}$ чайной ложки пекарского порошка, 100 г масла, 1 целое яйцо и белок 1 яйца. Готовое тесто нужно разделить на две части, выложить одну часть в форму для пирогов, покрыть кремом, потом раскатать вторую половину теста и накрыть ею крем, зажав вместе края пластин теста. Сверху я присыпаю пирог пригоршней поджаренных кедровых орехов и выпекаю при 180 °C в течение 25 минут. Вскоре кухня наполняется аппетитным ароматом. Яставляю золотистый пирог

на подоконник кухни, набираю номер синьора Мартини и приглашаю его отведать бабушкин пирог.

Он приезжает, я готовлю эспрессо, потом отрезаю ему пирога. С первым же куском его глаза приобретают мечтательное выражение.

– Совершенство, – таков его вердикт.

Кроме орехов, жившая тут раньше бабушка планировала вырастить еще много чего. Перечислю, что из этого осталось нам: три сорта слив (сливу сорта Санта-Роза здесь называют *coscia di monaca* – бедро монашки), фиги, яблоки, абрикосы, одна вишня (изможденная) и несколько сортов груш. Те, которые сейчас созревают, вскоре станут красновато-коричневыми, они рассыпчатые и сладкие. Сорт яблонь определить мне вряд ли удастся. Сейчас их плоды сплошь изъедены насекомыми-вредителями. Многие деревья явно не посажены владельцами и часто растут в самых неожиданных местах. Например, четыре молодых сливовых деревца устроились прямо под деревьями, высаженными рядком на террасе, они, очевидно, проросли из паданцев.

Не сомневаюсь, бабушка собирала с грядок дикий укроп – фенхель, сушила его желтые цветы и бросала еще зеленые пучки на огонь, когда жарила мясо. Мы обнаружили лозы, закопанные в кустарнике вдоль террас. Некоторые самые живучие все еще выпускают длинные стрелы стеблей. Вдоль террас, как на каком-то кладбище, лежат камни для виноградных лоз – высотой до колена, в каждом просверлена дыра для железного стержня. Стержни висят над краем террасы. Эд протягивает между стержнями проволоку и поднимает лозы, чтобы направить их рост вдоль проволоки. Как выясняется, на этом месте был виноградник.

В Сиене, в огромной энотеке, есть спонсируемый правительством дегустационный зал, где представлены вина всех уголков Италии. Официант нам говорил, что большинство итальянских виноградников занимают площадь менее пяти акров, то есть они такие, как наш. Многие мелкие местные производители объединяются в кооперативы и производят разные виды вина, в том числе *vinu da tavola* – столовое вино. Мотыжа сорняки вокруг виноградных лоз, мы, естественно, задумываемся о своем собственном производстве. Мы вполне можем выпускать «Брамасоль кьянти» или «Гамей-2000». Обнаружив на своем участке старый виноградник, мы поняли, зачем были нужны горы бутылок, которые остались нам в наследство от прежних хозяев. Они могли на скорую руку изготавливать красное вино, какое подают стаканами во всех местных ресторанах. Или же кремнистое «грекетто», лимонное белое вино этой области. Все ясно: эта земля просто ждала нас. Или – мы ее.

Самым важным, первичным компонентом блюд бабушки было, конечно, оливковое масло. Ее дровяная печка топилась обрезками оливкового дерева; она окунала хлеб в тарелку с маслом, когда готовила тосты, она добавляла свежееотжатое масло в супы и соусы для пасты. Тканевые мешки для оливок висели на камине и за зиму пропитывались дымом оливковой древесины. Даже бабушкино мыло было сделано из масла и пепла из ее очага. Ее муж или его наемные работники неустанно обихаживали террасы с оливковыми деревьями. Древняя наука учит: подрезать дерево надо так, чтобы птица могла пролететь между главными ветвями и не задеть крыльями листьев. Дерево не должно мокнуть, иначе оливки покроются плесенью прежде, чем их довезешь до завода. Чтобы подготовить оливки к еде, надо пропитать их в щелочи или солевом растворе – тогда из них уйдет придающий неприятную горечь гликозид. Кроме практических соображений, множество народных примет определяют лучший момент сбора; у луны есть дни хорошие и плохие. Вергилий много лет назад проверил, насколько справедливо поверье фермеров: «Выбери семнадцатый день после полнолуния, избегай пятого дня». Он также советует жать серпом ночью, когда роса смягчает жнивье. Я боюсь, как бы Эд не слетел с террасы, если вздумает последовать этому совету.

Некоторые из наших оливковых деревьев просто образцово-показательные: древние, перекрученные, вывернутые. Много молодых побегов выросло вокруг поврежденных стволов. Трудно поверить, что в этих краях температура может понизиться до минус шести градусов. Но так случилось в 1985 году, и как доказательство между деревьями торчат мертвые пни. Оливы требуют заботы. Каждое дерево придется подрезать и удобрить. Террасы надо расчистить, пройдясь по ним плугом. Это наша главная работа, но она подождет. Поскольку оливковые деревья практически бессмертны, еще один годик они потерпят.

«Он принес лист оливы, знак мира», – писал Мильтон в «Потерянном рае». Голубь, который полетел назад к ковчегу с ветвью в клюве, сделал хороший выбор. Оливковые деревья умиротворяют. Может быть, все дело в том, какую роль они сыграли в истории земли. Эти деревья были тут всегда. Они тут растут и будут расти впредь. Независимо от того, будем ли тут жить мы или кто-то другой или не будет никого, они каждое утро будут разворачивать свои листья в сторону солнца.

Несколько лет назад мы с подругой ездили автостопом по Майорке. Мы карабкались по широким террасам между протянувшимися на километры рядами огромных оливковых деревьев. На самом верху мы набрали на каменные лачуги, где прятались от солнца люди, ухаживающие за этой рощей. Мы заблудились, на лугу встретили гуляющего быка, но все равно весь день ощущали невероятный покой среди этих деревьев, которые казались тысячелетними, а скорее всего, такими и были. Гуляя по своему участку, изогнутому полумесяцем, я испытываю то же самое. Пусть расположение деревьев террасами неестественно, но, как ни странно, оно дает человеку удивительное ощущение естественности. Есть такой очень ранний способ письма, он называется «бустрофедон», в нем строчка идет справа налево, а потом слева направо. Если бы нас учили ему с детства, мы бы, вероятно, поняли, что этот способ самый эффективный. Этимология слова обнаруживает греческие корни и значение «поворачивать, как бык при пахоте». Действительно, этот способ письма похож на боронение террас: в пространстве для разворота, которое требуется быку с плугом в конце каждого ряда, делается петля с выходом на следующий уровень, и движение совершается в обратном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.